

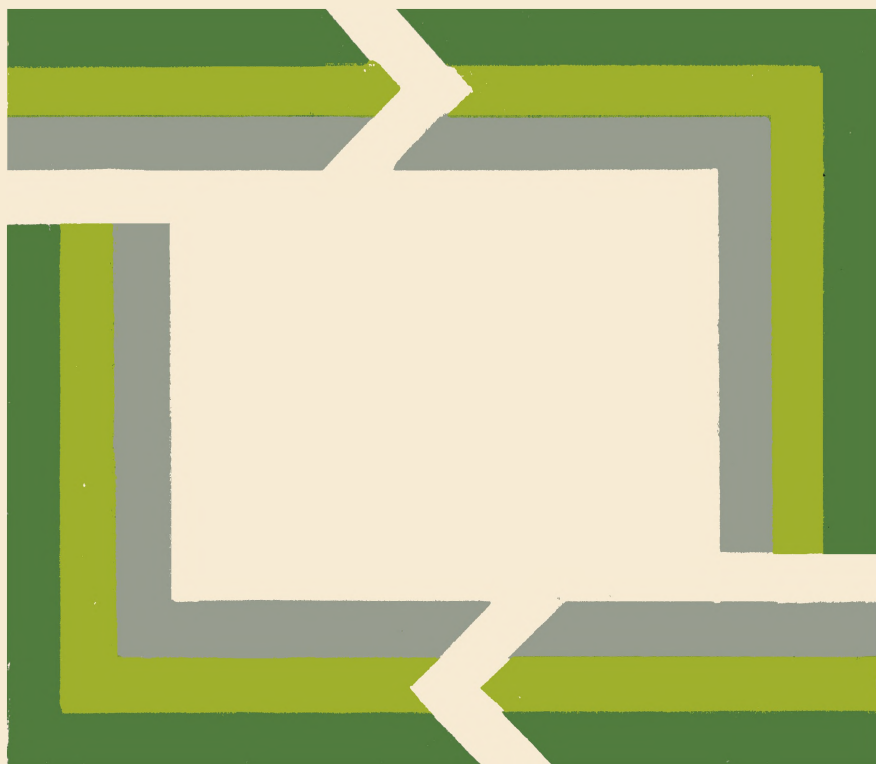
НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

10/1978

СЕРИЯ
ЭКОНОМИКА

А. Г. Вишневский
МИРОВОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕ-
СКИЙ ВЗРЫВ
И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Серия «Экономика»
№ 10, 1978 г.
Издается ежемесячно с 1961 г.

А. Г. Вишневский,
кандидат экономических наук

МИРОВОЙ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
ВЗРЫВ И ЕГО
ПРОБЛЕМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1978

Вишневский А. Г.

B55 Мировой демографический взрыв и его проблемы. М., «Знание», 1978.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Экономика», 10. Издается ежемесячно с 1961 г.).

Причины небывалого в истории человечества увеличения численности населения земного шара в XX в., специфика этого явления в разных странах и регионах мира в связи с особенностями их исторического, социально-экономического и культурного развития, а также характеристика ситуации, которая сложится в мире после завершения демографического взрыва — тема данной работы.

10805

60.7
312

СУЩНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЗРЫВА

Взрывоподобный рост населения

Когда несколько десятков тысячелетий назад человечество начинало свой исторический путь, оно было крайне малочисленным. В начале эпохи неолита — за 6—7 тыс. лет до н. э. — на планете было, вероятно, не более 10 млн. человек. И даже к началу нашей эры, когда уже канули в прошлое многие великие цивилизации древности, число жителей Земли составляло не более четверти миллиарда. Понадобилось еще свыше полутора тысячелетий, чтобы численность населения мира удвоилась.

Но следующее удвоение произошло всего за два столетия — к началу XIX в. число жителей Земли приблизилось к 1 миллиарду. Новое удвоение заняло 120—130 лет: двухмиллиардный рубеж был перейден в 20-е годы нашего столетия. И всего лишь за 50 лет население мира удвоилось еще раз и превысило 4 миллиарда. Огромное ускорение роста населения, особенно ярко выраженное в XX в., получило название «демографического взрыва».

Данные табл. 1 дают наглядное представление о «назревании» демографического взрыва начиная с середины XVIII в. (в таблицу включен последний демографический прогноз ООН до 2000 г.).

Нетрудно заметить, что динамика численности населения в двух выделенных группах регионов складывалась по-разному. В более развитых регионах заметное ускорение демографического роста обнаружилось уже в первой половине прошлого века, наиболее высокие темпы роста были достигнуты во второй его половине, пос-

Таблица 1

Рост мирового населения

	1750— 1800 гг.	1800— 1850 гг.	1850— 1900 гг.	1900— 1950 гг.	1950— 2000 гг.
--	-------------------	-------------------	-------------------	-------------------	-------------------

*И. Численность населения к концу периода,
млн. человек*

Весь мир	978	1262	1650	2501	6254
Более развитые регионы	248	347	573	857	1360
Менее развитые регионы	730	915	1077	1644	4894

II. Среднегодовой прирост, млн. человек

Весь мир	3,7	5,7	7,8	17,1	75,0
Более развитые регионы	0,9	2,0	4,5	5,7	10,1
Менее развитые регионы	2,8	3,7	3,2	11,4	64,9

III. Среднегодовой прирост, %

Весь мир	0,4	0,5	0,5	0,8	1,9
Более развитые регионы	0,4	0,7	1,0	0,8	0,9
Менее развитые регионы	0,4	0,5	0,3	0,9	2,2

Примечание. К более развитым регионам демографами ООН отнесены: СССР, страны Европы, США, Канада, Япония, Аргентина, Уругвай, Чили, Австралия, Новая Зеландия; к менее развитым регионам — все остальные страны.

ле чего они снова уменьшились, хотя и остаются пока в среднем выше, чем они были до середины XIX столетия.

Главной ареной ускоренного роста населения в прошлом веке была Западная Европа, и, можно сказать, что здесь в этот период произошел свой демографический взрыв. Но с точки зрения мировой демографической динамики он имел ограниченное, локальное значение. Население Западной Европы в середине XIX в. составляло всего 15—20% мирового населения и увеличивалось в период своего наибольшего роста примерно на 1% в год. И тем не менее демографический взрыв в европейских странах оставил заметный след в истории, ибо способствовал резкому повышению численности населения в этом регионе, массовой эмиграции европейцев за океан и заселению Нового Света, хотя оказать существенного влияния на темпы роста мирового населения он не смог.

Иначе обстояло дело в менее развитых регионах, где ускорение роста населения началось только в XX в., но

было гораздо более значительным, чем в развитых регионах. К середине столетия темпы роста населения увеличились здесь в 5—6 раз, достигнув 2% в год, и продолжали повышаться. Теперь на долю менее развитых регионов приходится около 70% всего населения мира. В результате демографический взрыв в этих регионах превратился в мировой: высокие темпы роста общего числа людей на земном шаре в решающей степени определяются темпами его увеличения в освободившихся государствах Азии, Африки и Латинской Америки.

К началу нынешнего века число жителей нашей планеты составило примерно 1,6 миллиарда — таким был демографический итог всей предшествующей истории человечества. К концу же века нас будет, по-видимому, свыше 6 миллиардов, и рост численности населения Земли еще не остановится.

Каковы причины этого огромного роста? К каким последствиям он может привести? Можно ли рассчитывать на окончание демографического взрыва и прекращение роста мирового населения, и если да, то когда это произойдет и с какими демографическими итогами человечество придет к завершению демографического взрыва? Попытаемся дать ответы на все эти вопросы.

Демографический взрыв — следствие незавершенности демографической революции

Демографический взрыв неразрывно связан с демографической революцией — коренным переворотом в области воспроизводства населения. Воспроизводство населения представляет собой единство двух противоположных процессов: рождаемости и смертности. На протяжении огромных отрезков человеческой истории эти процессы, их количественные характеристики, те условия жизни общества, под определяющим влиянием которых они протекали, оставались неизменными, в силу чего не менялся и тип воспроизводства населения в целом.

Еще совсем недавно во всем мире безраздельно господствовал традиционный экстенсивный тип воспроизводства населения, для которого была характерна малая эффективность контроля человека над смертностью и рождаемостью и, как следствие, очень высокий их уровень. Сущность демографической революции заключа-

ется в установлении нового, несравненно более эффективного контроля над смертностью и рождаемостью, что ведет к огромному снижению уровня того и другого.

Переход к новому интенсивному типу воспроизводства населения — один из многих переворотов, произошедших в мире на протяжении нескольких последних столетий и создавших, говоря словами К. Маркса, «материальный базис нового мира»¹. Он начался в нескольких странах Западной Европы в конце XVIII в., а к середине нашего столетия охватил весь мир.

В ходе этого переворота прежде всего происходят огромные качественные и количественные изменения в смертности, что позволяет говорить о возникновении ее нового исторического типа. За последние 100—150 лет совершился подлинный скачок в развитии контроля людей над враждебными здоровью и жизни человека факторами биологической и социальной среды.

Раньше именно эти факторы оказывали главное воздействие на продолжительность человеческой жизни. Люди умирали почти исключительно от так называемых экзогенных причин, внешних с точки зрения развития человеческого организма: от детских инфекционных болезней, голода, эпидемий, насильственной смерти и т. п. Господство экзогенной смертности коренилось в неразвитости производительных сил, слабой власти человека над природой, незрелости общественных отношений, невежестве населения и пр.

В наше время вследствие огромного экономического и социального прогресса, достижений науки, развития санитарии и гигиены неблагоприятное влияние факторов среды резко ограничено, благодаря чему экзогенная смертность в основном поставлена под контроль. Большинство людей умирает от совсем иных, чем прежде, причин — сейчас в развитых странах свыше 2/3 всех смертей приходится на долю сердечно-сосудистых заболеваний и рака. Эти причины смерти, по преимуществу, эндогенные, они связаны с естественным старением организма человека и в значительно меньшей мере с влиянием факторов среды.

Переход от преобладания экзогенной к преобладанию эндогенной смертности имеет принципиальное демографическое значение. Смерть от экзогенных причин

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 230.

поражает человека задолго до того, как его естественная жизнеспособность исчерпывается, она преждевременна. Эндогенные же причины обычно ведут к смерти в пожилом и старческом возрасте.

Поэтому при смертности старого типа из каждой тысячи родившихся примерно 30% умирает, не дожив до 1 года, больше половины не доживает до 20 лет. При смертности нового типа дети, молодые люди почти не умирают, свыше 90% родившихся доживает до 30 лет. При старом типе смертности средняя продолжительность жизни колеблется, как правило, в пределах от 20 до 30 лет, при новом — повышается до 70 лет и более.

Переворот в смертности, в свою очередь, ведет к перевороту в рождаемости. При смертности старого типа из-за того, что почти 40—45% родившихся детей не доживало до возраста родителей и не могло, стало быть, прийти им на смену, для обеспечения хотя бы простого воспроизводства населения каждая тысяча женщин должна была давать жизнь примерно 4,5—5 тыс. детей. При смертности нового типа доля детей, доживающих до возраста родителей, повышается до 95% и более, а простое воспроизводство населения обеспечивается теперь 2,1—2,2 тыс. рождений на каждую тысячу женщин. Иными словами, экономичность процесса возобновления поколений повысилась более чем вдвое.

Прежде из-за низкой экономичности воспроизводства рождаемость всегда должна была быть достаточно высокой, иначе люди бы вымирали. Число детей, рождаемых в среднем одной женщиной, мало менялось от эпохи к эпохе и от страны к стране, как правило, оставалось в пределах от 4 до 6. Иногда полагают, что большая рождаемость в прошлом была простым следствием высокой биологической плодовитости человека: на ранних этапах истории биологическое в человеке преобладало над социальным, люди не умели ограничивать рождаемость, потому их потомство и было столь обильным.

Но исторические и этнографические данные показывают, что даже на самых ранних ступенях развития общества людям были известны и методы предотвращения беременности и методы ее прерывания. Если они в большинстве случаев не прибегали к этим методам, то главным образом потому, что процесс рождаемости в человеческом обществе всегда был социально управляемым.

Социальная ориентация на высокую рождаемость складывалась объективно в ходе становления и развития общества, прочно закреплялась в традициях, в культурных нормах, которые в общем неукоснительно соблюдались. Прокреационное поведение человека (т. е. его поведение, связанное с рождением детей,— от лат. *procreatio* — рождение, произведение на свет), подобно всем другим формам его поведения в добуржуазных обществах, заключалось в пассивном следовании каждого раз навсегда и для всех установленного правила, которое отражало объективные условия существования людей, включавшие и высокую смертность.

Скачок в экономичности воспроизводства населения сделал необязательной высокую рождаемость и лишил исторического оправдания старый тип прокреационного поведения, который не допускал свободы индивидуального выбора в вопросе о рождении детей. Под влиянием совместного действия демографических (в области смертности) и более широких социальных изменений старый тип социального управления рождаемостью стал исчезать. Женщина, семья в целом получают значительную свободу выбора в области рождаемости, могут теперь сами решать, сколько и когда рожать детей. Социальное управление рождаемостью осуществляется ныне через ее внутрисемейное регулирование.

Становление нового типа смертности и нового типа рождаемости приводит в конечном счете к утверждению нового исторического типа воспроизводства населения, в чем и заключается смысл демографической революции. В дальнейшем, говоря о демографическом взрыве как о следствии демографической революции, мы не раз будем указывать на негативные явления, связанные с этим взрывом. Но при этом надо ясно сознавать, что демографическая революция сама по себе явление в высшей степени прогрессивное, несущее глубокие положительные изменения в жизнь всего общества и каждого отдельного человека.

Среди важнейших прогрессивных изменений такого рода — резкое повышение устойчивости процесса воспроизводства населения. До демографической революции население постоянно переживало демографические кризисы, частые резкие кратковременные колебания, катастрофически нарушающие течение воспроизводственного процесса. Демографическая неустойчивость в прошлом

всегда была тесно связана со слабым контролем человека над естественными и общественными условиями его жизни, с неурожаями, эпидемиями, войнами. Во время демографических кризисов происходили довольно значительные изменения в брачности и рождаемости, но главным их элементом были подъемы смертности, которые оставались неотъемлемой чертой демографической действительности на протяжении многих тысячелетий и сводили на нет эффект высокой рождаемости.

Общая численность населения отдельных территорий, стран, континентов на протяжении истории в целом медленно увеличивалась, но ее рост был крайне нестабильным. Нередко бывали периоды, когда он прекращался или даже сменялся уменьшением численности населения. Еще во второй половине нашего тысячелетия в Западной Европе рост численности населения был настолько медленным и неустойчивым, что современники не представляли себе ясно, растет население или сокращается.

После демографической революции воспроизводство населения приобретает все более устойчивый характер. Установление контроля над экзогенной смертностью лишает смертность ее ключевой роли в системе демографического регулирования и приводит не только к гораздо более низкому, но и к гораздо более устойчивому, чем прежде, уровню смертности, к исчезновению ее частых резких колебаний (внезапные крутые подъемы смертности в развитых странах сейчас возможны только во время войны).

Отныне роль регулятора всего воспроизводственного процесса переходит от смертности к рождаемости. Уровень рождаемости теперь колеблется больше, чем уровень смертности (в прошлом было наоборот), но колебания рождаемости имеют совершенно иной характер: они значительно меньше по масштабам и лишены резкости, внезапности и частоты, которые делали столь «лихорадочным» процесс воспроизводства до демографической революции. Динамика естественного прироста населения становится несравнимо более плавной, чем прежде.

Едва ли нужно объяснять, как благотворно сказывается повышение устойчивости демографического процесса на социально-экономическом развитии, как ограничивает оно роль случайности в развитии, как расширяет господство человека над условиями его общественного бытия. Оказывая огромное благотворное влияние на раз-

витие всего общества в целом, демографическая революция приносит важнейшие положительные изменения и в жизнь каждого человека. Она приводит к недоступной прежде рационализации индивидуального жизненного цикла, т. е. последовательного размещения типичных событий биографии человека на протяжении всей его жизни от рождения до смерти.

Среди существенных событий, составляющих обязательную часть индивидуального жизненного цикла большинства людей, важное место принадлежит тем из них, которые связаны с продолжением рода и образуют демографический цикл человеческой жизни (вступление в брак, рождение детей и т. д.).

До демографической революции жизненный цикл по времени почти совпадает с демографическим. Люди вступают в брак и начинают рожать очень рано, заканчивают поздно и живут после этого недолго. Рождения и смерти — постоянные частые спутники жизни людей.

Когда же устанавливается новый тип воспроизводства населения, происходит резкое сокращение места, занимаемого демографическим циклом во всем жизненном цикле, и люди получают массу дополнительного «свободного» (свободного от забот, связанных с производством потомства) времени. Область необходимости для каждого резко сокращается, область свободы — расширяется.

Особенно глубокое влияние оказывают эти перемены на жизнь женщины. При высокой смертности и высокой рождаемости прошлых эпох женщина оказывается объективно вынужденной отдавать вынашиванию и выкармливанию детей все время, прожитое в браке, до конца прокреационного периода ее жизни. Так и было в действительности во всем мире до начала перехода к современному типу воспроизводства населения.

В Западной Европе, например, еще два столетия назад «средняя» женщина, вступавшая в брак до 20-летнего возраста и рожавшая первого ребенка менее чем через полтора года после свадьбы, продолжала рожать детей до 39 лет. Правда, в Западной Европе в это время была широко распространена «поздняя» брачность, что сокращало время, на протяжении которого женщина действительно производила потомство. В XIX в. во многих странах большинство женщин выходило замуж после 25, а значительная часть их — даже после 30 лет,

так что период репродуктивной жизни женщины сокращался до 15, а то и до 10 лет.

Но поздняя европейская брачность — историческое исключение, у большинства народов преобладали ранние замужества, а рожать замужние женщины продолжали до тех пор, пока сохранялась физиологическая плодовитость. В дореволюционной России, скажем, в конце прошлого века при весьма ранней брачности средний возраст женщины при рождении последнего ребенка также составлял 38—39 лет. Сходная картина наблюдается и в современной Индии.

Таким образом, до демографической революции между рождением первого и последнего ребенка у женщины проходит около 20 лет, и было бы серьезной ошибкой думать, что на протяжении этого периода она может позволить себе большие перерывы между рождениями. Имеющиеся данные говорят о том, что рождения, а тем более беременности, следовали у здоровых женщин почти непрерывно (интервалы между рождениями обычно были меньше двух лет). Иначе говоря, практически вся жизнь замужней женщины сводилась к рождению детей.

Только демографическая революция позволяет безболезненно сократить — и очень значительно — ту часть жизни женщины, которую она должна посвятить выполнению своих прокреативных функций. Переход к внутрисемейному регулированию рождаемости открывает возможности контроля не только над числом рождаемых детей, но и над «календарем» их рождений. Это может проявляться и проявляется в значительном увеличении интервалов между вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также между последовательными рождениями, но практически основным оказывается другой путь — сокращение периода прокреации за счет более раннего его завершения.

По мере распространения современного типа рождаемости происходит и ее «омоложение». В конце прошлого века в экономически развитых странах вклад младших женских возрастов (до 25 лет) в рождаемость был сравнительно невелик (в Швеции, например около 15% всех родившихся), сейчас на долю этих возрастов приходится не менее трети родившихся, а то и больше (скажем, в США). В СССР доля женщин до 25 лет в суммарной рождаемости увеличилась с 1926—1927 по

1975—1976 гг. с 27 до 44%. Одновременно повсеместно снижается возраст женщины при рождении последнего ребенка.

Следовательно, в результате демографической революции демографический цикл занимает все меньшее и меньшее место во всем жизненном цикле женщины, причем благодаря резкому повышению экономичности воспроизводства, о котором говорилось выше, это не ставит под угрозу продолжение человеческого рода. Время жизни женщины может теперь использоваться совершенно иначе, она получает объективную возможность участвовать в общественном производстве и общественной деятельности, без чего ее равноправие с мужчиной невозможно.

Жизненный цикл мужчины, равно как жизненный цикл семьи в целом, также испытывает огромные благотворные изменения. Французский ученый Ж. Фурастье дал сжатое описание изменений, которые произошли в жизненном цикле среднего западноевропейца между концом XVIII и серединой XX в. в результате совершившихся за это время кардинальных демографических сдвигов.

В конце XVIII в. «средний» отец семейства женился первый раз в 27 лет (мы уже отмечали, что в Западной Европе в это время в брак вступали поздно). Он родился в семье, в которой было пятеро детей, но из них лишь половина доживала до 15 лет. Как и у его отца, у него самого было пятеро детей, из которых только двое или трое были живы к моменту его смерти. Этот человек доживал до 52 лет — возраст по тем временам весьма почтенный. К моменту его смерти уже не было в живых его бабушек и дедушек (трое из них умирали еще до его рождения), обоих его родителей и троих из его детей.

Такой же «средний» человек в наше время рождается в семье, в которой трое детей, женится в 26 лет на 24-летней девушке и также имеет двоих-троих детей. Достигнув 50 лет, он имеет один шанс из двух прожить еще более 26 лет. Теперь возраст человека в 70—75 лет не редкость, тогда как прежде «старость была завершением необыкновенного жизненного пути: преодолев тысячи опасностей, «обманув смерть», окруженный целой плеядой детей, внуков и племянников, старик счи-

тался и сам себя считал «мудрецом», обладателем магической силы...»².

В прошлом в одном случае из двух дети умирали раньше своего отца, половина оставшихся теряла своего отца, не достигнув совершеннолетия. Средний возраст детей к моменту смерти одного из родителей составлял 14 лет. Ныне возраст «среднего» сына к моменту смерти отца приближается к 55—60 годам. Прежде родители умирали, как правило, до того, как их младшие дети заканчивали образование. Теперь обычная супружеская пара на 15—20 лет переживает брак младшего из своих детей.

Демографическая революция и отмеченные выше позитивные изменения, которые она несет с собой,— повышение экономичности, управляемости, устойчивости воспроизводства населения, рационализация индивидуального жизненного цикла человека — вытекают, конечно, из изменений в экономических и социальных условиях жизни общества. Но в то же время и сами демографические сдвиги выступают не только в качестве пассивного результата, а оказывают и свое революционизирующее влияние на общественное развитие. Этим и определяется прогрессивное историческое значение демографической революции.

Заменяя один тип воспроизводства населения другим, она приводит демографическое воспроизводство в соответствие с новыми техническими, экономическими и социальными условиями. Даже капиталистический способ производства не смог бы развиваться дальше определенного уровня, если бы продолжал существовать старый, нерациональный, экстенсивный тип воспроизводства населения. В еще большей степени демографическая революция — необходимое условие развития социалистического способа производства, общества будущего.

Как видим, отмеченные выше качественные изменения в воспроизводстве населения неразрывно связаны с изменениями количественными, со снижением смертности и рождаемости. Важно, однако, отметить, что итоговые количественные характеристики всего воспроизводственного процесса, например темпы роста насе-

² J. Fourastié. De la vie traditionnelle à la vie «tertiaire». Recherches sur le calendrier démographique de l'homme moyen «Population», 1959, № 3, p. 418—419.

ния, совершенно не обязательно должны меняться. Скорее наоборот, изменения в рождаемости происходят таким образом, что к концу демографической революции новый уровень рождаемости приспосабливается к новому уровню смертности, и темпы роста населения оказываются примерно теми же, что и прежде. Это можно проиллюстрировать на примере нашей страны.

При старом типе воспроизводства населения в Европейской России в среднем за 1865—1913 гг. на тысячу жителей приходилось 48,9 рождений и 34 смерти, иными словами ежегодный естественный прирост равнялся 14,9‰. В 1950—1970 гг. в СССР насчитывалось в среднем всего 22,6 рождений и 7,9 смерти на 1000 жителей, т. е. намного меньше, чем в дореволюционной России, а естественный прирост был почти точно таким же — 14,7‰.

Опыт всех стран, переживающих демографическую революцию, свидетельствует: после ее завершения уровень рождаемости приходит в большее или меньшее соответствие с новым уровнем смертности, так что после очень больших изменений в воспроизводстве населения его количественные параметры приближаются примерно к тем, которые наблюдались повсеместно до начала демографической революции, когда население росло очень медленно.

Однако во время демографической революции такого соответствия может и не быть. Дело в том, что, хотя изменения в смертности и рождаемости тесно связаны между собой, они все же обладают определенной самостоятельностью и в течение некоторого периода могут не совпадать по времени. Социальное управление рождаемостью, о котором говорилось выше, поскольку оно приспособлено к высокой смертности старого типа, выступает в качестве социального управления всем процессом воспроизводства населения.

Когда же в ходе демографической революции устанавливается контроль над многими экзогенными факторами смертности и она снижается, соответствие рождаемости и смертности нарушается, и социальное управление рождаемостью старого типа перестает быть управлением всем воспроизводственным процессом, который при этом на какой-то период вообще перестает быть управляемым. Это и есть период демографического взрыва.

Хотя слово «взрыв» обычно употребляется скорее для образного описания ускоренного роста населения, это довольно глубокий образ, поскольку он отражает не только внешнее явление, но в известной степени и его внутренний механизм (взрыв в физике — это тоже выход процесса из-под контроля, неуправляемое выделение большого количества энергии). Только после того, как старая система социального управления рождаемостью заменяется новой, соответствующей изменившимся условиям, восстанавливается и социальное управление всем воспроизводственным процессом, что ведет к прекращению демографического взрыва.

Таким образом, демографический взрыв происходит тогда, когда возникает разрыв во времени между двумя основными процессами, из которых складывается демографическая революция, — переворотом в смертности и переворотом в рождаемости, он — результат незавершенности начавшейся демографической революции. Как долго длится такая незавершенность, с какой скоростью и в какой последовательности снижение смертности и рождаемости распространяется на различные слои общества, зависит от многих конкретных исторических факторов. В этом смысле демографическая революция в разных исторических условиях протекает по-разному, причем и сами различия в ходе демографической революции и вытекающие из них различия в «мощности» и длительности демографического взрыва могут быть очень значительными.

Исторический опыт позволяет выделить три типичные схемы развития демографической революции.

Первую из них можно проиллюстрировать примером Франции, где снижение смертности и рождаемости шло почти параллельно, в силу чего эта страна практически не знала демографического взрыва.

Пример второй схемы дает демографическая история Англии. Здесь снижение смертности началось тогда же, когда и во Франции, а снижение рождаемости — на сто лет позже. Это привело к тому, что Англия в XIX в. пережила демографический взрыв. Численность ее населения в 1800 г. составляла (без Ирландии) 10,9 млн. человек (40% тогдашнего населения Франции). За XIX в. население страны выросло почти на 26 млн. человек, или в 3,4 раза (население Франции — немногим более чем на 40%), и при этом не менее 10 млн. человек эми-

грировало из Англии за океан (эмиграция из Франции была незначительной).

Французская схема — исключение из общего правила, английская же типична для большинства европейских стран. Европейский демографический взрыв XIX в., о котором упоминалось выше, как раз и есть следствие того, что демографическая революция в Европе развивалась в основном по «английскому» пути.

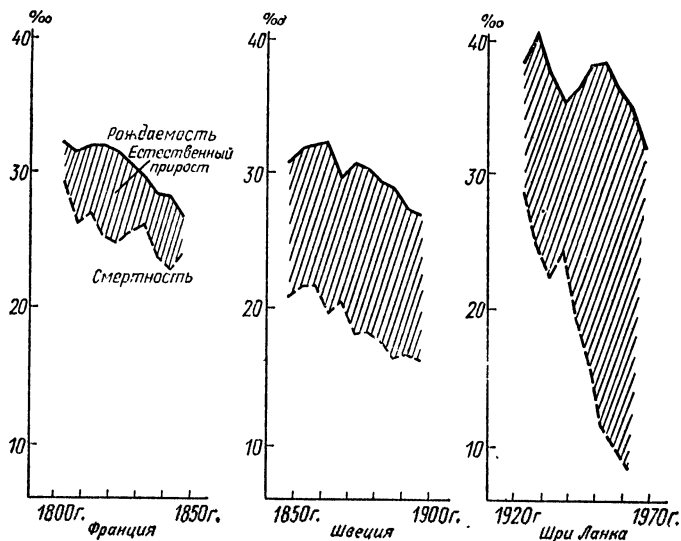

Рис. 1. Динамика коэффициентов рождаемости в период наиболее быстрого роста численности населения в некоторых странах

Демографический взрыв прекратился здесь довольно быстро, в начале XX в., когда дало себя знать быстрое снижение рождаемости. Тем не менее за XIX столетие население Западной Европы увеличилось со 160 до 295 млн. человек (на 85%) и дало сверх того еще несколько десятков миллионов эмигрантов.

Но мировой демографический взрыв, который происходит сейчас, связан с третьей схемой развития демографической революции, характерной для развивающихся стран в наше время. Смертность здесь снижается очень быстро и во многих из этих стран она уже значи-

тельно ниже, чем где бы то ни было в XIX в. Массовое же снижение рождаемости в лучшем случае только начинается, да и то далеко не везде. Поэтому превышение рождаемости над смертностью достигает огромных размеров, а мощность демографического взрыва намного превосходит все известное до сих пор.

Различия в темпах роста численности населения, связанные с развитием демографической революции по трем указанных схемам, наглядно представлены на рис. 1 (выбраны страны, по которым имеется необходимая статистика за нужный период).

Во Франции наибольший рост населения из-за неодновременности снижения смертности и рождаемости пришелся на первую половину прошлого века, в Швеции — («английская» схема) — на вторую половину. Шведские темпы роста населения намного превосходят французские, но и они меркнут перед масштабами демографического роста, который наблюдался с 1920 по 1970 г. в Шри Ланка — типичной освободившейся стране.

Из всего сказанного в этой главе вытекает, что мировой демографический взрыв — временное явление, рано или поздно он должен прекратиться. Но как скоро это произойдет? Нужно ли содействовать прекращению демографического взрыва или можно спокойно ждать, пока он кончится сам собой? Можно ли ускорить ход и приблизить завершение демографической революции мерами специально направленной на это демографической политики? Все эти вопросы усиленно обсуждаются в мировой демографической литературе и в последующих главах кратко рассмотрим их и мы.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Социальные последствия демографического взрыва

Демографические процессы теснейшим образом связаны со всеми сторонами жизни людей — с экономическими, социальными, политическими, культурными и прочими процессами. Связь эта двусторонняя, ее необходимо принимать во внимание, рассматривая как обусловленность самих демографических процессов,

так и их влияние на другие сферы жизни и деятельности людей. Понимание этих связей чрезвычайно важно для правильной оценки значения происходящих в мире демографических перемен. Не менее важно оно и для нахождения эффективных путей сознательного воздействия на демографические тенденции с целью их закрепления или, наоборот, изменения в желательном направлении, иначе говоря, для проведения демографической политики.

Как следует относиться к мировому демографическому взрыву? Представляет ли он собой угрозу будущему человечества, опасность, сопоставимую с опасностью атомной войны, как полагают некоторые ученые и политики на Западе? Или, быть может, он — лишь третьестепенный феномен в столь богатой событиями истории нашего столетия, и ему не стоит придавать большого значения?

Скорее всего обе эти крайние позиции не имеют достаточных оснований. Значение демографического взрыва не следует ни переоценивать, ни недооценивать. Конечно, оно отступает перед значением важнейших социальных сдвигов, меняющих облик мира в XX в., таких, как возникновение мировой социалистической системы или освобождение колониальных народов. Конечно, исход мирного соревнования двух систем, проблемы предотвращения третьей мировой войны или ускорения социально-экономического развития бывших колониальных народов намного важнее с точки зрения будущего, чем проблемы, порождаемые взрывоподобным ростом населения. Однако не следует забывать, что все эти проблемы существуют одновременно, и нерешенность одних может в немалой степени затруднять решение других.

Демографический взрыв по своим последствиям — явление сложное, противоречивое, поэтому оценка его не может быть однозначной. Он происходит в странах, которые лишь недавно освободились от колониальной зависимости. Предшествующий исторический период был для них периодом демографической стагнации, во многом определявшейся угнетением и ограблением их капиталистическими державами. В XIX в., в эпоху расцвета колониализма, рост населения в них был существенно более медленным, чем в метрополиях.

Современный демографический подъем тесно связан

с прогрессивным развитием освободившихся стран, с подъемом национального самосознания их народов, он — одно из проявлений великих перемен в их истории. Рост населения в этих странах воспринимается как свидетельство возрождения после столетий упадка и угнетения, укрепляет веру освободившихся народов в свои силы, повышает вес молодых государств на международной арене.

Этими положительными моментами последствия демографического взрыва, однако, не исчерпываются. Вступив в эпоху небывалого революционного обновления, освободившиеся страны оказались перед необходимостью колоссального экономического скачка. Без такого скачка невозможно решить исторические задачи, стоящие перед молодыми национальными государствами, преодолеть голод, нищету и экономическую отсталость.

При нынешней экономической и социальной базе развивающихся стран осуществить такой скачок далеко не просто, а стремительный рост населения еще более усложняет эту задачу. Под углом зрения ее решения и должны рассматриваться в первую очередь последствия демографического взрыва. Вот почему центральное место в комплексе вопросов, порождаемых этим взрывом, принадлежит вопросу о взаимодействии демографического и экономического развития, населения и экономики.

Если удастся обеспечить устойчивое и значительное превышение темпов роста экономики над темпами роста населения, развивающиеся страны смогут решить стоящие перед ними задачи: коренным образом изменить структуру экономики, осуществить научно-техническую революцию, добиться неуклонного роста производства и потребления в расчете на душу населения и в то же время предотвратить истощение невозобновимых ресурсов и избежать загрязнения окружающей среды. Если же такого превышения достичь не удастся, все или почти все изыскиваемые ресурсы будут поглощаться добавочным населением, возможности накопления окажутся крайне ограниченными, экономика будет обречена на застой, производство и потребление в расчете на одного жителя станут даже сокращаться.

Особенно обостряя необходимость высоких темпов развития экономики, демографический взрыв в извест-

ной мере сам создает и некоторые предпосылки для их достижения. Усилившийся приток свободных рабочих рук, ускоренное «выталкивание» рабочей силы из деревни и концентрация ее в городах открывают возможности преодоления архаичных экономических структур и укладов, развития несельскохозяйственных отраслей производства, способствуют осознанию необходимости экономических и социальных перемен, требуют роста активности, инициативы и предприимчивости населения.

Но, с другой стороны, с демографическим взрывом связаны многие препятствия, существенно тормозящие рост темпов экономического развития. Интенсивное развитие экономики требует огромных ресурсов и крупных капиталовложений. Каковы бы ни были возможные источники экономических ресурсов, их мобилизация на нужды накопления затрудняется помимо всего прочего тем, что значительную часть их приходится расходовать на так называемые «демографические инвестиции» — капиталовложения, необходимые для создания добавочному населению тех условий жизни и труда, которыми уже располагает существующее население. Да и фонд потребления приходится делить на большее число людей.

Считают, что каждый процент прироста населения поглощает несколько процентов прироста национального дохода, которые расходуются на сохранение уже достигнутого уровня производства и потребления в расчете на одного жителя. В результате в освободившихся странах сокращаются и без того ограниченные возможности повышения уровня жизни, замедляется экономический рост, тормозится перестройка структуры экономики, создание новых сфер занятости, увеличивается явная и скрытая безработица, нарастает нехватка жилья в городах и т.д.

Правда, когда речь идет о будущем, слишком буквальное толкование проблемы «демографических инвестиций» применительно к развивающимся странам может привести к недооценке возможностей их экономического развития. Логика и расчеты, основанные на оценке капиталовложений и их эффективности, вполне оправданные в странах с развитыми товарно-денежными отношениями, могут оказаться ошибочными в странах Азии или Африки, где все еще огромную роль играет натуральное хозяйство, сохраняется традиционный об-

раз и уровень жизни, а поведение людей в значительной степени регламентируется патриархальными представлениями и нормами.

На это указывают иногда даже представители буржуазной экономической науки, хотя вообще для них характерна переоценка значения инвестиционного аспекта проблемы экономического развития освободившихся стран. Например, рассматривая экономические перспективы Южной Азии, известный шведский экономист, крупный знаток проблем развивающихся стран Г. Мюрдаль отмечает: «Вид анализа, оперирующий понятиями капиталовложений и продукта, типичен для западного подхода к экономическим проблемам южноазиатских стран. По нашему мнению, он слишком механистичен и схематичен. Он создает видимость знаний при их отсутствии и придает иллюзорную точность этим несуществующим знаниям. Преувеличивая роль капиталовложений — обычно в натурально-вещественной форме — он придает исследованиям направление в условиях Южной Азии явно нереалистичное»³.

Огромные резервы рабочей силы сами по себе представляют большое богатство. Рациональное и эффективное использование этих резервов, более полное вовлечение их в производительную деятельность, повышение качества рабочей силы как результат развития систем образования, уменьшение демографических потерь вследствие развития систем здравоохранения — все это способно внести немалый вклад в развитие экономики освободившихся стран. И все же проблема источников накопления, проблема вооружения работников современными средствами производства остается, а быстрый рост населения ее усугубляет.

По данным, приводившимся на Всемирной конференции по народонаселению (Бухарест, 1974 г.), темпы роста рабочей силы в развивающихся странах составляют примерно 3,3% в год против 0,4% в главных капиталистических государствах (разница более чем в 8 раз). Ресурсы же, которыми располагают для этой цели развивающиеся страны, по оценкам некоторых авторов, в расчете на тысячу жителей составляют лишь 1/15 соответствующих ресурсов развитых стран.

³ Г. Мюрдаль. Современные проблемы «третьего мира». М., «Прогресс», 1972, с. 729.

Таким образом, молодые национальные государства имеют всего 1/120, или менее 1%, капитала развитых стран на создаваемое рабочее место. Даже если предположить, что эти оценки очень сильно занижают возможности развивающихся стран, нельзя оспаривать их серьезнейших экономических проблем.

Трудности освободившихся стран в немалой степени усугубляются тем, что к сложнейшим экономическим прибавляются не менее сложные экологические проблемы, которые к тому же приобретают глобальные масштабы. Уже сейчас, когда в экономически развитых странах, где преобладает современная технология, живет примерно 1 миллиард человек, развитие производства породило угрозу истощения невозобновляемых ресурсов нашей планеты и загрязнения природной среды до такой степени, при которой может быть нарушено глобальное экологическое равновесие.

Если же и освободившиеся страны в своем развитии пойдут по пути создания производства такого типа, какой преобладает теперь в развитых странах, то опасность глобального экологического кризиса намного увеличится. Единственный выход заключается в том, чтобы технический прогресс как в развивающихся, так, разумеется, и в развитых странах приобрел экологически приемлемые формы.

Но это означает, что развивающиеся страны уже не могут использовать такой немаловажный «источник накопления», каким было в период развития капитализма хищническое разграбление природных богатств. Поиски экологически допустимых технологических альтернатив невозможны без больших затрат, что также не может не лечь тяжелым бременем на экономику развивающихся стран.

И вдобавок ко всему распутывать этот узел трудно-разрешимых проблем приходится в условиях огромного роста населения, который значительно изменяет масштабы стоящих перед развивающимся миром экономических задач.

Сейчас существует огромный разрыв в производстве и потреблении и соответственно в объеме потребляемых ресурсов и масштабах загрязнения среды в расчете на одного жителя между развитыми и развивающимися странами. По некоторым оценкам, только для обеспечения питанием одного жителя США обрабатывается зем-

ли, расходуется воды и удобрений в 5 раз больше, чем во многих освободившихся странах. В целом потребление естественных ресурсов (пресной воды, топлива, металлов, различных видов минерального и растительного сырья) в расчете на одного жителя в промышленных странах в 10—20 раз больше, чем в развивающихся, а, скажем, потребление энергии иногда в 100 раз больше. Примерно в такой же пропорции увеличивается и загрязнение окружающей среды промышленными отходами.

Даже частичное преодоление подобного разрыва с соблюдением экологических требований и при неизменной численности населения невозможно без громадных экономических усилий. Но если при этом за 25—30 лет численность населения удваивается (а, как мы видели, именно такова динамика населения во многих регионах мира в наше время), то сложность экономических задач намного возрастает.

Можно привести немало примеров, дающих представление о масштабах этих задач. Вот один из них. Если бы современное население развивающихся стран могло иметь тот же уровень производства основных видов промышленной продукции на душу населения, что государства Западной Европы в 1970 г., то общий объем их производства был бы таким, как в табл. 2 (для сравне-

Таблица 2

Объемы производства важнейших видов промышленной продукции при современном западноевропейском уровне производства на душу населения

Вид продукции	ЕЭС	Развивающиеся страны
Электроэнергия, млрд. кВт·ч	569	5613
Нефть ¹ , млн. т	431	4248
Газ ¹ , тыс. теракалорий	691	6817
Уголь, млн. т	165	1626
Сталь, млн. т	109	1077
Цемент, млн. т	111	1098
Удобрения, млн. т	5	52
Автомобили, млн. единиц	9	84

¹ Потребление.

ния приведены современные объемы производства Европейского экономического сообщества) ⁴.

Необходимо отметить, что в расчете, приведенном в табл. 2, совсем не учтен рост населения. Если же его учесть, то, относя полученные оценки объемов производства для развивающихся стран к концу века, их надо, примерно, удвоить, к 2025 г. — утроить и т. д.

В условиях быстрого роста населения возникают экологические проблемы, связанные не только с развитием современных производств, но и с сохранением традиционных систем хозяйствования. Подсечно-огневое земледелие или кочевое скотоводство в условиях резко возрастающей плотности населения и нагрузки на земельные угодья ведут к невосполнимым потерям: сведению лесов, эрозии почвы, нарушению гидрологического режима, ухудшению климата.

В Африке под влиянием этих процессов Сахара ежегодно расширяется на несколько километров к югу. В развивающихся странах Азии в результате продолжающегося применения подсечно-огневой системы ежегодно гибнет свыше 8 млн. га лесов. Только в Индии эрозии подвержены 140 млн. га из общей площади 328 млн. га, и ежегодно выбывает из оборота 60 млрд. т плодородного почвенного слоя ⁵.

Тормозящее влияние роста населения на экономическое развитие, его «вклад» в ухудшение экологической ситуации часто воспринимается в гипертрофированном виде, и на рост населения возлагается вся ответственность за экономические и экологические трудности, с которыми сталкиваются развивающиеся страны. Более того, сейчас нередко приходится встречаться с подобным толкованием проблем, существующих даже в развитых капиталистических странах, хотя темпы роста населения в них намного ниже, чем в развивающихся, и не идут ни в какое сравнение с темпами нарастания экономических и особенно экологических трудностей.

В буржуазной экономической и демографической литературе, в выступлениях западных политиков снова и снова воскрешается старая мальтузианская трактовка:

⁴ Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост. М., «Мысль», 1975, с. 46.

⁵ С. Нестеров. Развивающиеся страны и проблемы окружающей среды. — «Мировая экономика и международные отношения», 1977, № 7, с. 60.

растущему населению отводится роль ключевого фактора, замыкающего «порочный круг нищеты» в освободившихся государствах, и выход из этого круга связывается прежде всего с прекращением демографического роста.

Такое толкование проблем экономической отсталости и всех взаимодействующих с нею проблем развивающихся стран позволяет рассматривать их вне социально-экономического устройства общества и вообще вне конкретного социально-исторического контекста, а связывать их почти исключительно с демографическими процессами, которые трактуются как не зависящие от общественного строя.

К иным выводам приводит марксистский анализ причин экономических и экологических трудностей, с которыми сталкиваются развивающиеся страны да и все человечество во всемирном масштабе. Эти трудности порождены не ростом населения, а представляют собой результат предшествующего развития, которое протекало в капиталистической форме. Проблемы голода, нищеты, истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды и т. п. возникают и существуют при капитализме независимо от динамики населения.

Отвергая мальтузианское объяснение происхождения экономических, социальных или экологических проблем освободившихся стран быстрым ростом населения, нельзя, конечно, не видеть, что в развивающихся странах этот рост действительно превратился в важный самостоятельный фактор, усложняющий разрешение всех проблем, вступающий в известное противоречие с усилиями, направленными на преодоление тех трудностей, которые породил длительный период капиталистического хозяйствования.

Истинное значение демографического роста как фактора, сдерживающего развитие освободившихся стран, может быть понято только если одновременно учитывается огромное тормозящее влияние социально-экономических отношений, пока еще господствующих здесь, но в принципе устранимых в ходе революционных преобразований в развивающихся государствах. Если «порочный круг нищеты» и существует, то ключевую роль в нем играют именно эти отношения, росту же населения принадлежит более скромное место — и не потому, что его тормозящее влияние незначительно (недооценивать его

ни в коем случае не следует), а потому, что не в демографической сфере может быть найдена архимедова точка опоры, с помощью которой можно «перевернуть» освободившиеся страны и раз навсегда разорвать «порочный круг».

Устранение неокOLONиалистской эксплуатации, мобилизация всех внутренних ресурсов на коренное переустройство экономики, на ускорение культурных преобразований, без которых немислимо вовлечение народных масс в экономическую деятельность современного типа, решительная борьба с пережитками архаичных экономических отношений, эффективное использование внешней помощи и расширение этой помощи, равно как и другие подобные меры, позволяют резко повысить темпы экономического развития. Даже если тормозящее влияние быстрого роста населения при этом сохранится, на фоне высоких темпов экономического роста оно займет место, гораздо более скромное, чем то, которое при мальтузианском толковании фактов кажется не поддающимся изменениям.

Иллюстрацией реально прослеживающихся взаимосвязей между ростом населения и экономическим развитием может служить продовольственная ситуация в освободившихся странах. Многие сотни миллионов людей все еще ведут здесь полуголодное существование, и положение улучшается чрезвычайно медленно. В 50-е — 60-е годы производство пищевых продуктов в освободившихся государствах росло примерно такими же темпами, что и в развитых, но из-за быстрого увеличения населения в освободившихся странах в расчете на одного человека рост производства был гораздо меньшим: в 60-е годы он составил всего 0,3% в год (в развитых странах — 1,7%). По имеющимся предположительным оценкам, и в ближайшие десятилетия производство продовольствия в развивающихся странах будет расти лишь ненамного быстрее населения, да и это может быть обеспечено не во всех регионах мира.

То, что быстрый рост населения усложняет решение продовольственной проблемы, не вызывает сомнений. Можно ли, однако, утверждать, что этот рост порождает саму проблему и заводит в тупик ее решение?

Как отмечалось в докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) на Всемирной конференции по народонаселению в Бухаре-

сте в 1974 г., среди стран с очень высокими темпами роста населения, есть такие, в которых производство продовольствия отстает от роста населения, равно как и такие, в которых рост производства продовольствия обгоняет увеличение населения. «Вполне вероятно,—осторожно говорится в докладе ФАО,— что решающим фактором являются не темпы роста народонаселения сами по себе, а реакции на эти темпы со стороны правительств».

Возможность реакции на рост населения, идет ли речь о решении продовольственной проблемы или более широкого круга проблем экономического развития, действительность этой реакции в первую очередь зависят от общих социально-экономических условий в стране, от объективной возможности мобилизовать все ресурсы и использовать их в интересах народа, т. е. в конечном счете от общественного строя.

В странах, где сохраняют силу архаичные феодальные и даже дофеодальные отношения и где, с другой стороны, удерживает сильные позиции неокOLONиализм, экономический путь решения проблемы народонаселения оказывается мало эффективным. И наоборот, в странах, которые ведут решительную борьбу с прошлым, не отстаиваются перед радикальными изменениями всей системы общественных отношений, добиваются экономической независимости, ориентируются на передачу земли тем, кто ее обрабатывает, на уменьшение неравенства в распределении доходов, на укрепление и существенное расширение государственного сектора экономики — здесь возможности ускоренного экономического развития резко расширяются.

И все же, отдавая должное возможности экономического развития, не следует их переоценивать. Экономика развивающихся стран все еще слаба, а задачи, стоящие перед ней и без учета роста населения, огромны. Нельзя рассчитывать на то, что экономическое развитие даже в самых благоприятных социально-экономических условиях сможет на протяжении неограниченного времени противостоят небывало высоким темпам роста населения без ущерба для решения этих задач.

Усилия, направленные на ускорение социально-экономического развития в освободившихся странах, должны быть дополнены усилиями, специально ориентированными на прекращение демографического взрыва, «...зна-

чительную пользу может принести научно обоснованная демографическая политика, направленная на ускорение темпов... снижения высокой рождаемости и замедление роста населения»⁶.

Демографический взрыв и демографическая политика

Под демографической политикой обычно понимают совокупность мер, предпринимаемых государством или неправительственными организациями и направленных непосредственно на достижение определенных демографических результатов (снижение смертности, снижение или повышение рождаемости и т. п.). Когда речь идет о прекращении демографического взрыва, демографическая политика, естественно, должна быть направлена на снижение рождаемости. Казалось бы, что поскольку эта цель соответствует основной линии объективного процесса перестройки демографических отношений в ходе демографической революции, успех такой политики предreshен. В действительности здесь существуют свои очень непростые проблемы.

Динамика рождаемости складывается не сама по себе, а под влиянием многих факторов, которые сложно переплетаются между собой, и порой действуют в противоположных направлениях. Как уже говорилось, демографическая революция начинается с некоторого улучшения здоровья и снижения смертности населения. Так как обычно на первых порах в прокреационном поведении людей ничего не меняется, то эти благоприятные изменения ведут не к снижению, а к повышению рождаемости (уменьшается физиологическое бесплодие, падает доля ранних вдов и др.).

Снижение рождаемости связано как раз с изменениями в поведении людей, с постепенным переходом населения освободившихся стран к внутрисемейному регулированию деторождения. Может показаться — и так предполагали еще сравнительно недавно многие зарубежные специалисты, — что этот переход нетрудно ускорить с помощью соответствующим образом ориентированной демографической политики.

В частности, большие надежды возлагались на ши-

⁶ Я. Н. Гузеватый. Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., «Наука», 1970, с. 345.

рокую пропаганду малодетной семьи и на импортируемые с Запада дешевые и эффективные противозачаточные средства. Большую известность получило высказывание бывшего президента США Л. Джонсона о том, что 5 долларов, вложенные в осуществление программ «планирования семьи», дадут в освободившихся странах больший эффект, чем 100 долларов, направленные на развитие экономики. Действительность, однако, показала, что расчеты на легкий успех собственно демографической политики оказались в значительной степени необоснованными.

Освободившиеся страны проявили большой интерес к демографической политике, направленной на распространение внутрисемейного регулирования рождаемости. Если в 1960 г. только две страны — Индия и Пакистан — официально поддерживали программу «планирования семьи», то к середине 70-х годов, по имеющимся оценкам, правительства 63 развивающихся стран, в которых проживало 92% населения менее развитых регионов, либо сами осуществляли такие программы, либо, по крайней мере, оказывали поддержку проводящим ее неправительственным организациям.

На пропаганду внутрисемейного регулирования рождаемости, на разработку и внедрение эффективных методов предупреждения беременности были затрачены немалые средства, которые к настоящему времени принесли весьма скромные результаты. Согласно приводящимся в западной литературе данным, если в экономически развитых странах различными методами предотвращения беременности в 70-е годы пользуются 60—70% замужних женщин репродуктивного возраста, то в Индии — не более 18—20%, в Индонезии — 19, на Филиппинах — 22, в Мексике — 20, в Египте — 21, в Тунисе — 18, в Бангладеш — всего 5, в Марокко — 7, в Кении, Гане — только 2%. Лишь в некоторых, как правило, небольших государствах (например, Маврикий, Сингапур, Тринидад и Тобаго, Коста-Рика и некоторые другие) этот показатель оказывается более высоким, иногда поднимаясь даже до 60—70%.

Ограниченность возможностей собственно демографической политики хорошо видна на примере Индии, где с 1951 г. осуществлялась официальная программа «планирования семьи». На ее реализацию были выделены огромные средства, в четырех последовательных пяти-

летних планах они составляли соответственно: 1,5; 22, 249; 3160 млн. рупий.

Задачу политики видели в обеспечении для подавляющего большинства супружеских пар условий, благоприятствовавших переходу их к внутрисемейному регулированию рождаемости, понимая под такими условиями изменение общественного мнения в пользу малодетной семьи, осознание каждым человеком целесообразности малой семьи для него лично и методов внутрисемейного регулирования деторождения и, наконец, широкую доступность для каждого таких методов.

Несмотря на большие усилия, целей программы достичь не удалось. Они были сформулированы в 1963 г. как снижение общего коэффициента рождаемости к 1973 г. с 39‰ до 25‰, но в действительности он составил в 1973 г. около 35‰. Позднее цели программы были переформулированы: как можно более скорое снижение коэффициента рождаемости до 25‰ и достижение 23‰ к 1978—1979 гг. Однако сейчас уже ясна нереалистичность и такой формулировки.

Анализируя причины малой эффективности программы планирования семьи, индийские демографы обращают внимание прежде всего на недооценку реальных условий, в которых еще живет большая часть населения Индии. Каков социальный и экономический уклад жизни людей, среди которых ведется пропаганда нового отношения к деторождению? Отвечая на этот вопрос, индийские ученые характеризуют жизнь сельской общины как бесконечную цепь нищеты и лишений, хронического недоедания, антисанитарных условий, высокой заболеваемости и смертности огромного большинства жителей страны, отсутствия у них экономического выбора. «Если они согласятся иметь только троих детей,— пишет один из авторов,— кто гарантирует, что эти дети не умрут и что они будут здоровы? Кто гарантирует, что они получат от общества лучшую долю, и что их жизненные условия будут лучше, чем сейчас»⁷.

Подобная ситуация характерна для большинства развивающихся стран. Во многих из них проводится более или менее активная демографическая политика, направ-

⁷ D. Banerji. Family planning in India. A critique and a perspective. New-Delhi, 1971, p. 33,

ленная на снижение рождаемости, однако крестьянин или ремесленник, не имеющий никаких перспектив улучшения своего экономического и социального положения, не имеет стимулов к отказу от привычного прокреационного поведения, не видит смысла в ограничении числа детей.

Эта незаинтересованность в значительной мере сводит на нет усилия государственных и неправительственных организаций, направленные на снижение рождаемости. Бедность и невежество крестьянских масс, бесправное положение женщины и вообще патриархальный семейный быт, сильное влияние религии, характерные для большинства развивающихся государств, весьма существенная преграда, ослабляющая эффективность пропаганды новых демографических отношений.

К тому же нормы демографического поведения здесь — часть традиционной культурной системы, все еще сохраняющей огромное влияние в развивающихся странах. Более того, тесно связанное с борьбой за экономическую и политическую независимость стремление отстоять национальные культурные ценности от бесцеремонного вторжения «западной цивилизации», до известной степени затрудняет изживание тех элементов традиционной культуры, которые утрачивают свою объективную основу и превращаются в анахронизм.

Конечно, под влиянием экономического развития, политической борьбы и других процессов «рабские цепи традиционных правил»⁸ ослабевают, происходит эрозия традиционной системы культурных норм. Свой вклад в разрушение старых культурных стереотипов вносит и демографическая политика, пропаганда нового демографического поведения, новых демографических идеалов. Положительную роль в этом смысле играют меры правительств развивающихся стран и неправительственных организаций, направленные на ускорение перехода к новому типу демографического поведения.

Однако все эти усилия наталкиваются на консерватизм архаичных укладов и отношений, сохраняющих сильные позиции в жизни развивающихся стран, а также на непоследовательность и противоречивость идеологии и форм массового сознания в современных освободившихся странах. Разумеется, объективные тенденции

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 135.

все равно пробивают себе дорогу. Но если главная роль в борьбе с силами и традициями старого общества отводится пропаганде и просветительству, то на быстрое распространение нового демографического сознания и нового демографического поведения рассчитывать не приходится.

Несравненно бóльшую разрушительную силу по отношению ко всем элементам архаичного общественного строя имеют такие социально-экономические процессы, как коренное изменение социальной структуры общества, индустриализация, распространение городского образа жизни, массовое вовлечение женщины в общественное производство и общественную жизнь. Эти и подобные им процессы не просто подрывают основы всех, в том числе и демографических, отживших норм поведения, но и побуждают к ускоренному усвоению новых норм, соответствующих всему новому укладу жизни.

Следовательно, надежные предпосылки прекращения демографического взрыва в освободившихся странах могут создать только успехи в широко понимаемом социальном переустройстве общества. Этот бесспорный тезис не должен вести к недооценке демографической политики как таковой. Даже самые успешные прогрессивные социально-экономические преобразования не приводят к быстрому завершению демографической революции автоматически. В современных сложных условиях развития освободившихся стран фактор времени приобретает очень большое значение.

Целенаправленная демографическая политика — необходимое условие *ускоренного* перехода к внутрисемейному регулированию рождаемости и при наличии благоприятных для этого объективных предпосылок. Конечно, демографический взрыв рано или поздно прекратится, даже если специальная политика проводиться не будет. Но в том-то и дело, что очень многие острые проблемы развивающихся стран делают крайне желательным, чтобы это произошло рано, а не поздно.

Процесс демографической стабилизации

Завершение демографической революции, а стало быть, и прекращение демографического взрыва предполагают окончание качественной перестройки процессов рождаемости и смертности, вследствие чего и их количественные характеристики перестанут резко меняться и станут относительно устойчивыми. Демографический взрыв прекратится только в том случае, если разрыв в уровнях рождаемости и смертности исчезнет или сократится до незначительной величины и население приблизится к так называемому стационарному состоянию.

Если исходить из изложенных выше представлений, согласно которым демографический взрыв есть результат временной неуправляемости процессом воспроизводства населения и социальное управление им должно восстановиться, то такое развитие событий кажется вполне естественным. «Несмотря на отсутствие прямых и строгих доказательств, подобных тем, которыми оперируют математика и логика,— отмечает известный советский демограф Э. Араб-Оглы,— стационарное или близкое к нему состояние мирового населения в обозримом будущем выглядит вполне достоверным научным предвидением, опирающимся на вполне веские доводы»⁹.

Одним из важнейших аргументов в пользу того, что население мира в конце концов придет к стационарному состоянию, служит уже имеющийся исторический опыт стран, в которых демографическая революция в основном завершилась. Напоминая в связи с этим мысль К. Маркса о том, что «страна промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹⁰, Э. Араб-Оглы справедливо отмечает: «Этот универсальный принцип содержательной повторяемости во всемирной истории несомненно распространяется не только на область социально-экономиче-

⁹ Э. Араб-Оглы. Перспективы роста мирового населения.— «Мировая экономика и международные отношения», 1976, № 11, с. 104.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 9.

ских отношений в целом, но и на область демографических процессов»¹¹.

Завершение демографического взрыва и приближение мирового населения к стационарному состоянию предполагается обычно при разработке долгосрочных демографических прогнозов. Имеется несколько различных (но не принципиально) прогнозов демографического развития. В дальнейшем мы будем пользоваться в основном одним из них — последним прогнозом, составленным демографическим отделом ООН в 1973—1974 гг. и доведенным до 2000 г.¹², а также подготовленными этим отделом перспективными оценками на значительно более длительный период.

Прогнозы ООН периодически пересматриваются и обновляются с учетом действительно наблюдающихся тенденций. Это, конечно, не значит, что они абсолютно надежны и что реальное развитие будет происходить точно в соответствии с такими прогнозами. В советской демографической литературе отмечалось, что прогноз-ные оценки ООН для отдельных стран, регионов и всего земного шара представляют собой лишь статистическую интерпретацию текущих демографических тенденций в соответствии с некоторыми гипотетическими предположениями и что поэтому им свойственны недостатки, присущие всякому формальному подходу к реальным социальным процессам¹³.

По существу, такие прогнозы лишь указывают на те количественные результаты, которые будут достигнуты, если справедливыми окажутся принимаемые исходные гипотезы. Большинство специалистов сходятся, однако, на том, что гипотезы, принятые в прогнозе ООН, в основном отвечают современным научным представлениям о будущих тенденциях рождаемости и смертности и в целом реалистически оценивают перспективы мирового демографического развития.

Учитывая невозможность абсолютно точного предвидения на столь отдаленную перспективу, прогноз разра-

¹¹ Э. Араб-Оглы. Перспективы роста мирового населения, с. 104.

¹² World population prospects as assessed in 1973. Population projections to 2000 for world regions and countries ST ESA Series A/60. N. Y., 1977.

¹³ Э. Араб-Оглы. Перспективы роста мирового населения, с. 97.

батывался в трех вариантах — «высшем», «низшем» и «среднем». «Средний» вариант считается наиболее вероятным, в основном этим вариантом мы и будем пользоваться в дальнейшем.

Для того чтобы судить о перспективах прекращения демографического взрыва, надо знать, как будут изменяться уровни рождаемости и смертности. Рассмотрим вначале перспективы дальнейшего снижения смертности.

Иногда полагают, что снижение смертности — бесконечный процесс: социальный прогресс и успехи науки и техники будут приносить все новые и новые победы над смертью, а средняя продолжительность жизни будет увеличиваться примерно такими же темпами, как это было до сих пор. На самом деле это не так.

Мы уже знаем, что снижение смертности в ходе демографической революции обусловлено резким ограничением смертности от экзогенных причин. Какой могла бы быть средняя продолжительность жизни, если бы экзогенную смертность удалось не только очень сильно ограничить, но и полностью ликвидировать?

По оценке французского демографа Ж. Буржуа-Пиша, средняя продолжительность жизни человека в этом случае могла бы достичь 77—78 лет. Эту величину нельзя, конечно, рассматривать как абсолютно точную и непреложную, но ею можно воспользоваться для приблизительного суждения о том пределе средней продолжительности жизни, который может быть достигнут в результате исключения смертности экзогенного происхождения.

В действительности полное устранение экзогенных факторов смертности едва ли возможно, но очень сильное ограничение их действия вполне реально. Довести среднюю продолжительность жизни до 77—78 лет, быть может, не удастся, но приближение этого показателя к 75 годам для обоих полов не кажется неосуществимым. Именно эту величину (точнее, 74,8 года) демографы ООН рассматривают как предел, до которого будет повышаться средняя продолжительность жизни в обозримом будущем.

Итак, увеличение средней продолжительности жизни от 30 до 75 лет — вот путь, который может быть пройден за время демографической революции.

В экономически развитых странах основная часть этого пути уже преодолена. Средняя продолжительность

жизни в них, как правило, достигла 70 лет и даже превысила эту величину. Правда, оставшийся отрезок пути оказывается самым сложным и трудно преодолимым. По некоторым прогнозам, он потребует еще не менее нескольких десятилетий. Тем не менее главная часть выигрыша в длительности человеческой жизни, который несет с собой демографическая революция, здесь уже получена.

Иное дело — развивающиеся страны. И в них происходит заметное снижение смертности, растет средняя продолжительность жизни. Можно не сомневаться, что ее величина и здесь рано или поздно перешагнет через 70 лет и будет приближаться примерно к 75 годам. Но пока до этого далеко.

По оценкам демографического отдела ООН для 1970—1975 гг., средняя продолжительность жизни в более развитых регионах составляла в среднем 71,3 года, в менее развитых регионах — всего 52,2 года. Внутри менее развитых регионов, в свою очередь, существует большая неоднородность: в таком огромном регионе, как Южная Азия (в него входят Индия, Пакистан, Бангладеш, Бирма и ряд других стран) средняя продолжительность жизни оценивается всего в 48,5 года, а в Африке — в 45 лет.

Разумеется, в настоящее время экономический и социальный прогресс в развивающихся странах, забота правительств молодых национальных государств о здоровье населения, успехи медицины и усилия международных организаций привели к существенным сдвигам в состоянии здоровья и уровнях смертности населения освободившихся стран. Сейчас даже в африканских странах с самой высокой смертностью средняя продолжительность жизни выше, чем она была, скажем, в России в конце прошлого века.

В результате массовой вакцинации населения против наиболее опасных болезней, борьбы с их переносчиками, широких санитарно-гигиенических мероприятий, развития карантинной службы и других специальных мер, осуществляемых в более благоприятных, чем прежде, экономических и социальных условиях, удалось одержать полную или частичную победу над многими, недавно еще непобедимыми причинами преждевременной смерти людей. И все же очень серьезные факторы по-

вышенной смертности населения в освободившихся странах пока не преодолены.

Питание большинства населения развивающихся стран все еще остается крайне неудовлетворительным как с точки зрения количества, так и с точки зрения сбалансированности пищевого рациона. По среднесуточному потреблению калорий на душу населения многие развивающиеся страны уступают развитым более чем в полтора раза, по потреблению белка — вдвое, а по потреблению белка животного происхождения — иногда в 10 раз и более.

По оценке ФАО, калорийное голодание испытывают 20%, белковое и другие специфические виды голодания — 60% населения развивающихся стран, а всего от голода и недоедания в мире страдает не менее 1 млрд. человек. Недостаточное питание получает около половины всех детей освободившихся стран. По мнению некоторых исследователей, и сейчас еще более половины смертей в возрасте до 5 лет — прямое или косвенное следствие недостаточного питания.

Инфекционные болезни также сохраняют роль одной из главных причин смерти в освободившихся странах. Правда, самые страшные смертоносные болезни — чума, холера, оспа, желтая лихорадка, сыпной и возвратный тиф — почти полностью побеждены.

Если в начале века в одной только Индии от чумы умирало ежегодно 400—500 тыс. человек, то в начале 60-х годов во всем мире регистрировалось менее полутора тысяч случаев этой болезни. Все еще десятки тысяч людей ежегодно заболевают холерой, но это не сотни тысяч, как прежде. Число случаев сыпного и возвратного тифа во всем мире составляет несколько тысяч в год, а число заболевших желтой лихорадкой не превышает обычно нескольких сот. Однако и сегодня сотни миллионов людей страдают от таких болезней, как малярия, туберкулез, различные паразитарные заболевания. Очень высокой остается смертность, особенно детская, от желудочно-кишечных и других инфекционных заболеваний.

Борьба с болезнями в развивающихся странах сильно тормозится пережитками колониализма в их экономике, низкой санитарно-гигиенической культурой населения, отсутствием квалифицированных кадров и т. д. Не хватает медицинского персонала, медикаментов, больниц, недостаточно развита медицинская профилактика.

В результате смертность в развивающихся странах снижается, а средняя продолжительность жизни растет очень медленно, намного медленнее, чем можно было бы ожидать, исходя из современных достижений санитарии и гигиены, медицинской науки и техники. В 1968 г. демографический отдел ООН разработал прогнозные оценки снижения смертности и роста продолжительности жизни для всех районов мира до 1985 г. Предполагавшийся для развивающихся стран рост средней продолжительности жизни был не очень большим, но даже и эти скромные оценки для ряда регионов оказались завышенными.

Как видно из табл. 3, в которой приведены величины средней продолжительности предстоящей жизни для обоих полов, по «среднему» варианту разных прогнозов ООН, первоначальные прогнозные оценки в ряде регионов все время приходится пересматривать, изменяя их в сторону снижения.

Таблица 3

Средняя продолжительность (в годах) предстоящей жизни в 1980—1985 гг.

Регионы	Прогноз 1968 г.	Предваритель- ный прогноз 1973 г.	Уточненный прогноз 1973—1974 гг.
Африка	51,2	50,3	49,7
Южная Азия	57,9	54,5	53,9
Латинская Америка	66,7	65,9	65,4

Таким образом, смертность в развивающемся мире снижается пока довольно медленно, и до полной реализации возможностей, связанных с ограничением действия экзогенных факторов смертности, здесь еще далеко. По оценкам демографов ООН, к концу нынешнего столетия средняя продолжительность жизни во многих освободившихся странах не достигнет еще 60 лет, а в целом в менее развитых регионах она будет к этому времени ниже 65 лет.

Если говорить о достижении тех же предельных показателей, что и для более развитых регионов — средней продолжительности жизни, равной 75 годам, — то, по разным оценкам, это возможно не ранее середины будущего века. Согласно «среднему» варианту прогноза ООН регион, который подойдет к этому показателю по-

следним (Африка), достигнет его только через сто лет — к концу 70-х годов XXI в.

Перспектива роста средней продолжительности жизни для всего мира в сравнении с ее современным уровнем показана в табл. 4.

Таблица 4

Средняя продолжительность (в годах) предстоящей жизни для обоих полов

Регионы	1970— 1975 гг.	1995— 2000 гг.	Год, к которому предполагается достичь продолжи- тельности жизни в 74,8 года
Весь мир	55,2	64,1	2075
Более развитые регионы	71,1	73,4	2030
В том числе:			
СССР	70,4	73,0	2025
Северная Америка	71,4	72,5	2030
Европа	71,2	74,0	2015
Менее развитые регионы	52,2	62,6	2075
В том числе:			
Восточная Азия	62,5	70,6	2040
Южная Азия	48,5	60,8	2070
Африка	45,0	56,6	2075
Латинская Америка	61,4	70,3	2040
Океания	65,8	70,4	2035

Обратимся теперь к перспективам снижения рождаемости в менее развитых регионах. Как ни сложно прогнозирование смертности, в задаче прогнозирования рождаемости неизвестных еще больше.

Сейчас каждая женщина в освободившихся странах рождает за свою жизнь в среднем более пяти детей. Если взять несколько менее половины (обычно в расчетах принимают 0,485) этой величины, то мы получим среднее число девочек, рождаемых каждой женщиной, — показатель, называемый в демографии брутто-коэффициентом воспроизводства населения (R).

Часть родившихся девочек, в развивающихся странах пока еще довольно большая, умирает в молодом возрасте, особенно в детстве, так что лишь некоторая их доля — l^* доживает до того среднего возраста, в котором их матери рожали своих детей, и может, следовательно,

заменить их в деле воспроизводства потомства. Произведение Rl^* , т. е. среднее число девочек, рождаемых одной женщиной и доживающих до возраста, в котором они могут прийти на смену своим матерям, называют нетто-коэффициентом воспроизводства населения — R_0 . (Мы даем здесь нестрогое, упрощенное определение брутто- и нетто-коэффициентов.)

Нетто-коэффициент показывает, во сколько раз численность поколения дочерей больше (или меньше) численности материнского поколения. Понятно, что чем больше нетто-коэффициент, тем население растет быстрее, чем меньше — тем медленнее. Если $R_0=1$, численность населения от поколения к поколению не изменяется, если $R_0<1$, она сокращается.

В 60-е — 70-е годы нашего столетия нетто-коэффициент воспроизводства населения во многих освободившихся странах достиг беспрецедентно высоких величин. В экономически развитых странах его значение в большинстве случаев не поднимается выше 1,5—1,6, и не превышало этих величин даже в период европейского демографического взрыва во второй половине XIX в. Обычно же они существенно ниже. В 1970—1975 гг. нетто-коэффициент в более развитых регионах составлял 1,08, причем в некоторых частях Европы и в Японии он приблизился к 1. В то же время в менее развитых регионах этот показатель равнялся 2,16, причем в некоторых географических зонах он был существенно выше (в Северной Африке — 2,29, в Юго-Западной Азии — 2,42, в Центральной Америке — 2,71).

При таких значениях нетто-коэффициента численность населения за одно поколение может увеличиться в 2—2,5 раза. Это и есть демографический взрыв. Для его прекращения надо, чтобы нетто-коэффициент воспроизводства населения в менее развитых регионах как можно больше приблизился к 1. Как этого достичь?

Снижение смертности действует в сторону повышения показателей дожития, т. е. увеличения сомножителя l^* , а, значит, ведет к росту нетто-коэффициента. Стало быть, все дело в снижении брутто-коэффициента воспроизводства. Зная перспективы уменьшения смертности, нетрудно оценить и тот уровень, до которого должен понизиться брутто-коэффициент воспроизводства населения.

При высокой средней продолжительности жизни (по-

рядка 75 лет для обоих полов) полное или почти полное прекращение роста населения возможно, если брутто-коэффициент установится примерно на уровне 1,01—1,02, что соответствует приблизительно 2,1 рождений в среднем на одну женщину. Фактическое же значение этого показателя в менее развитых регионах пока еще намного выше, нередко превышает 5 и даже 6 рождений на одну женщину.

Каковы реальные перспективы снижения среднего числа рождений до указанного выше конечного уровня (2,1 в среднем на одну женщину)? К сожалению, состояние статистики рождаемости в большинстве развивающихся стран таково, что не позволяет надежно оценивать современную динамику этого показателя, отражающую новейшие тенденции рождаемости, знание которых необходимо для составления реалистического прогноза.

Поэтому для изучения современных тенденций приходится пользоваться общим коэффициентом рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения) — показателем менее точным из-за его зависимости от возрастной структуры населения каждой страны. Но и этот показатель систематически исчисляется далеко не везде, рядов его динамики нет, в частности, по таким крупнейшим странам, как Китай, Индия, Индонезия, Бразилия. Очень трудно судить об изменениях рождаемости в странах Африки к югу от Сахары и т. д.

На рис. 2 показаны изменения коэффициента рождаемости по ряду стран с относительно хорошей статистикой. Судя по этому рисунку, несмотря на значительную пестроту уровней рождаемости и их динамики, с каждым годом все больше подтверждается тенденция к снижению рождаемости в самых разных странах. Об этом же говорят и оценки с использованием различных неполных данных и косвенных свидетельств демографического отдела ООН для основных менее развитых регионов (табл. 5).

Общее направление изменений сейчас, по-видимому, уже не вызывает сомнений — у большей части населения освободившихся стран наметился четкий поворот к снижению рождаемости. Однако какими темпами будет идти это снижение в дальнейшем?

Сейчас уже можно считать почти общепризнанным, даже среди западных ученых, что динамика рождаемости в освободившихся странах в решающей степени

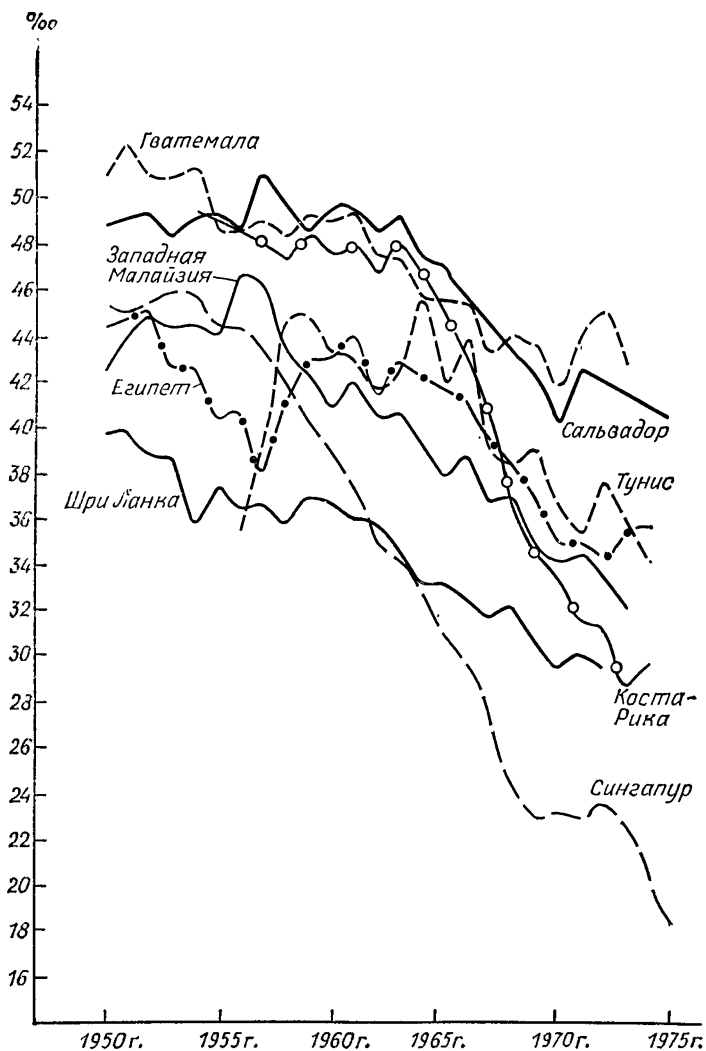

Рис. 2. Динамика коэффициента рождаемости в некоторых странах

определяется ходом социально-экономического развития этих государств. Но само развитие может идти разными путями, будет зависеть от социально-политической ориентации каждой страны, от общей междуна-

Изменения общего коэффициента рождаемости
в менее развитых регионах 1950—1975 гг., ‰

Регион	1950—1955 гг.	1955—1960 гг.	1960—1965 гг.	1965—1970 гг.	1970—1975 гг.
Менее развитые регионы в целом	42,1	40,9	39,9	38,4	37,5
В том числе:					
Восточная Азия (без Китая и Японии)	36,8	41,9	38,5	33,0	30,2
Китай	37,3	32,1	29,5	27,9	26,9
Южная Азия	44,0	45,1	44,8	42,9	41,9
Карибская Америка	36,9	36,9	37,5	34,9	32,8
Тропическая Южная Америка	43,1	42,2	40,9	39,8	38,3
Центральная Америка	47,3	46,6	45,3	43,3	42,2
Африка	48,1	48,0	47,7	47,2	46,3
Меланезия	44,0	44,1	43,7	42,4	40,7
Микронезия и Полинезия	44,6	45,4	41,9	37,0	32,9

родной обстановки и от ряда других условий, во многом еще неясных.

Кроме того, как мы уже видели, демографическое поведение людей связано с социально-экономическими условиями не непосредственно, а через систему культурных факторов, обладающих относительной самостоятельностью и до известной степени способных оказывать дополнительное ускоряющее либо тормозящее действие на снижение рождаемости. Нормы прокреационного поведения, традиции высокой рождаемости вырабатывались тысячелетиями и составляют неотъемлемую часть культуры народа и поэтому не могут быть устранены изолированно, не могут быть заменены новыми, пока остается в силе старая культурная система, не подорваны соответствующие ей отношения.

Происходящие сейчас в освободившихся странах процессы — развитие национальной экономики, индустриализация, урбанизация, борьба за всеобщую грамотность, постепенное изживание влияния религии и т. п. подготавливают все более широкие слои населения к восприятию новых форм прокреационного поведения, к сознательному регулированию супругами числа рождаемых

ими детей. Именно с этими процессами и связана прежде всего становящаяся все более заметной тенденция к снижению рождаемости в менее развитых регионах.

Глобальный прогноз ООН исходит из того, что эта тенденция сохранится и укрепится. Согласно «среднему» варианту прогноза, изменяясь по-разному, число детей, рождаемых в среднем одной женщиной в странах Азии, Африки и Латинской Америки, существенно уменьшится уже к концу нашего века. Однако его снижение до уровня простого воспроизводства, как видно из данных табл. 6, потребует еще значительного времени.

Т а б л и ц а 6

Среднее число рождений на одну женщину

Регионы	1970—1975 гг.	1995—2000 гг.	Год, к которому предполагается снижение числа рождений до 2,1
СССР	2,42	2,46	2015
Северная Америка	2,19	2,13	2010
Европа	2,28	2,21	2005
Восточная Азия	3,59	2,26	2020
Южная Азия	6,13	4,28	2060
Африка	6,38	5,43	2070
Латинская Америка	5,27	3,90	2035
Океания	3,44	2,95	2020

Следовательно, ожидается, что рождаемость достигнет уровня простого воспроизводства в Латинской Америке не ранее 2035 г., в Южной Азии — не ранее 2060 г., в Африке — не ранее 2070 г.

Достижение этого уровня не означает немедленного прекращения роста населения. Рост прекращается, только если население имеет вполне определенную возрастную структуру, однозначно соответствующую той комбинации возрастных показателей рождаемости и смертности (а таких комбинаций теоретически может быть сколько угодно), которая приводит к $R_0=1$.

Население обладает свойством приходить к необходимой возрастной структуре (стабилизироваться), если какая-либо из таких комбинаций сохраняется неизменной достаточно долгое время (период стабилизации). И только после того, как процесс стабилизации завершен, равенство нетто-коэффициента воспроизводства единице

означает полное прекращение изменений численности населения.

Мера изменений численности населения за период с момента установления постоянных уровней рождаемости и смертности до окончания процесса стабилизации называется потенциалом демографического роста. Вообще говоря, потенциал демографического роста может быть и положительным и отрицательным, но так как в развивающихся странах сейчас из-за высокой рождаемости очень «молодая» возрастная структура, то потенциал роста населения в них положителен и весьма высок.

Если сделать совершенно нереальное предположение, что нетто-коэффициент, равный единице, в менее развитых регионах оказался достигнутым уже в период составления прогноза, т. е. в первой половине 70-х годов, то и тогда рост населения продолжался бы еще много десятилетий и только за счет потенциала демографического роста его численность в этих регионах увеличилась бы к 2050 г. более чем на 60% (в более развитых регионах из-за их возрастной структуры при тех же условиях рост составил бы менее 30%). Из сказанного ясно, почему прогноз ООН предполагает разные сроки достижения коэффициентами воспроизводства уровня чистой замены и прекращения роста численности населения (табл. 7).

Таблица 7

**Сроки завершения демографической стабилизации
по „среднему“ варианту прогноза ООН**

Регионы	Год достижения нетто-коэффициентом уровня чистой замены	Год прекращения роста населения
Весь мир	2070	2140
Более развитые регионы	2020	2070
Менее развитые регионы	2070	2140
В том числе:		
Восточная Азия	2010	2080
Южная Азия	2060	2120
Африка	2070	2140
Латинская Америка	2035	2105

Итак, будущая динамика численности мирового населения непосредственно зависит от взаимодействия из-

менений трех факторов: числа детей, рождаемых одной женщиной; дожития родившихся до тех или иных возрастов; возрастной структуры населения. Результаты этого взаимодействия суммируются в динамике общих коэффициентов рождаемости и смертности, а значит, и коэффициента естественного прироста.

Для того чтобы как-то упорядочить и формализовать описание соотносительной динамики коэффициентов рождаемости и смертности в процессе стабилизации, связанном с развитием и завершением демографической революции, в нем выделяют четыре фазы.

Первая из них характеризуется снижением коэффициента смертности, более быстрым, чем снижение коэффициента рождаемости, в результате чего коэффициент естественного прироста увеличивается до наибольших значений. Демографический взрыв достигает здесь своего пика.

Во второй фазе снижение коэффициента смертности продолжается и к концу ее он достигает своих самых низких значений, но коэффициент рождаемости снижается быстрее, а, значит, прирост населения постепенно замедляется.

Характерная черта третьей фазы — повышение коэффициента смертности, связанное с изменением возрастного состава населения («постарением»). Одновременно замедляется снижение рождаемости. К концу третьей фазы коэффициент рождаемости приближается к уровню чистой замены (простого воспроизводства), коэффициент смертности остается еще ниже этого уровня, так как возрастной состав населения находится в состоянии изменения и имеется повышенная доля возрастных групп с низкой смертностью.

Четвертая фаза характеризуется неизменным коэффициентом рождаемости и продолжающимся повышением коэффициента смертности, пока он, наконец, не достигает того же уровня, что и коэффициент рождаемости. На этом процесс демографической стабилизации заканчивается, и только тогда рост численности населения прекращается, и она устанавливается на неизменном уровне.

Разумеется, речь здесь идет о самой общей схеме, которая отражает главные направления демографического развития, но совершенно не исключает разнообразных

колебаний и временных отклонений от основной тенденции.

Описанным выше прогнозным предположениям относительно изменений среднего числа детей, рождаемых одной женщиной, и средней продолжительности жизни для разных регионов мира, соответствует схематическое изображение фаз демографической стабилизации, показанное на рис. 3. Мы видим, что более развитым и менее развитым регионам в ближайшие сто лет предстоит пройти через разные фазы стабилизации (одни уже сейчас находятся в третьей фазе, другие — во второй, а иногда даже и в первой), и к тому же одинаковые фазы в двух группах регионов протекают по-разному.

Не удивительно поэтому, что еще долго будут сохраняться и различия в темпах роста населения, а сам рост, по крайней мере до середины будущего столетия, будет оставаться очень значительным. Правда, к началу будущего века демографический взрыв уже, вероятно, пройдет свою кульминационную точку и пойдет на спад. Если сейчас население мира увеличивается на 1,9% в год, то в первой четверти XXI в. темп роста сократится до 1,4% в год, во второй четверти — до 0,8, в третьей — до 0,4%. Но абсолютные величины прироста будут достаточно высокими. Общее представление об изменении численности мирового населения дает табл. 8.

Таблица 8

Долговременный прогноз роста численности населения мира, млн. человек

Регионы	Годы					
	1950	1975	2000	2025	2050	2075
Весь мир	2501	3968	6254	9065	11163	12210
В том числе:						
СССР	180	255	315	368	393	400
Восточная Азия	675	1006	1370	1650	1760	1775
Южная Азия	693	1250	2267	3651	4715	5232
Латинская Америка	164	324	620	961	1202	1297
Северная Америка	166	237	296	332	339	340
Африка	219	401	814	1479	2112	2522
Европа	392	473	540	580	592	592
Океания	13	21	33	44	50	52

Хотя некоторый рост населения будет продолжаться и в XXI в., основная часть прироста падает на период до 2050 г. и достигается главным образом за счет менее развитых регионов (сам этот термин к тому времени, вероятно, потеряет свой смысл и здесь употребляется лишь условно). К середине XXI в. демографическая ста-

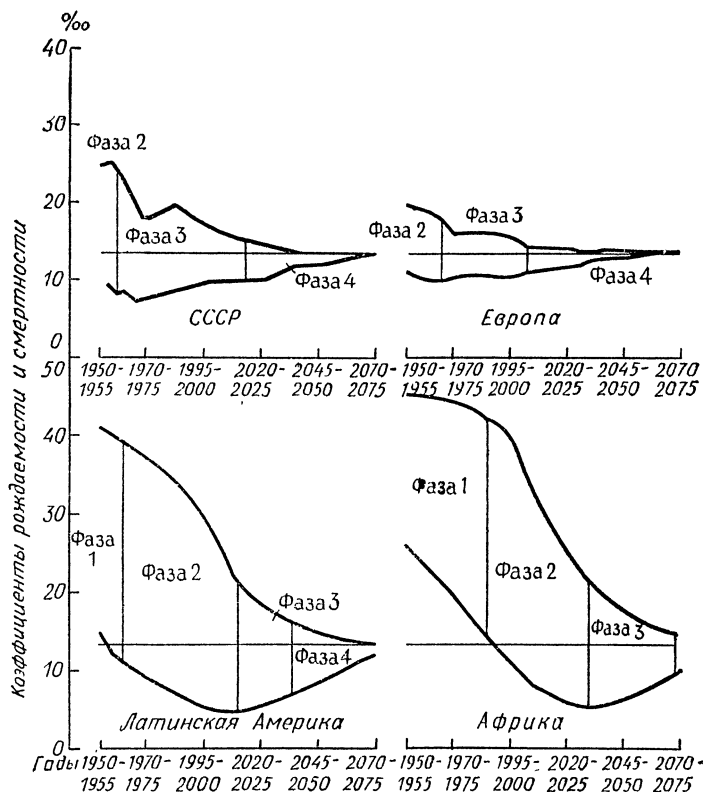

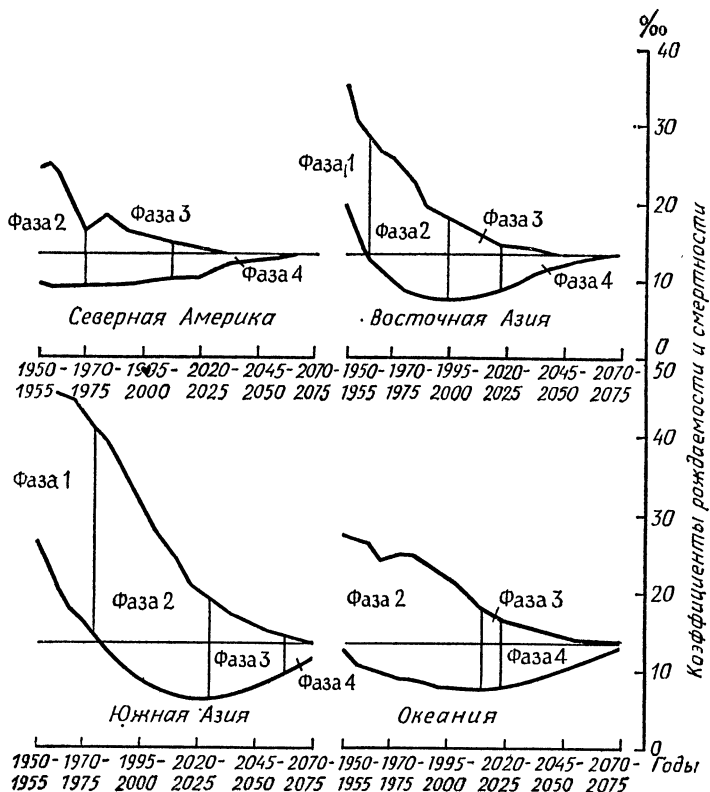
Рис. 3. Фазы демографической революции (горизонтальная линия окончания процесса стабилизации — 13,4‰)

билизация во всех регионах пройдет через вторую фазу, а в большинстве (исключение составляют только Южная Азия и Африка) — и через третью, и демографический взрыв в основном завершится.

Когда речь идет о прогнозе на столь отдаленную перспективу, естественно, возникают сомнения в его надеж-

ности. Можно ли предвидеть на сто лет вперед? Можно ли верить такому предвидению?

Если исключить вероятность всякого рода мировых катаклизмов, то правильность описанного прогноза определяется преимущественно тем, насколько верно оценены будущие тенденции рождаемости (тенденции

соответствует коэффициентам рождаемости и смертности после

смертности намного более ясны и предсказуемы). То, что рождаемость в освободившихся государствах будет снижаться и в конце концов приблизится к уровню чистой замены, едва ли может вызывать сомнения. Но правильно ли определены в прогнозе сроки достижения этого уровня?

О сроках можно, конечно, спорить. Социально-экономическое развитие, от которого в решающей степени зависит динамика рождаемости, может идти с разной скоростью. Не исключено, что жизнь еще не раз заставит демографов ООН пересмотреть свой прогноз в связи с тем, что рождаемость в развивающихся странах будет снижаться быстрее, чем можно предположить сейчас, и внести определенные, быть может, немалые изменения в общую картину развития и завершения демографического взрыва. И все же едва ли эта картина изменится принципиально.

Существует несколько попыток оценить долгосрочные перспективы динамики населения при разных гипотезах изменения рождаемости. Если рассуждать абстрактно, то диапазон возможностей таких изменений весьма велик — от сохранения неизменным современного уровня до мгновенного его понижения до уровня чистой замены. В первом случае население земли увеличилось бы к 2075 г. до 80 млрд. человек, во втором — менее чем до 6 млрд. Оба эти предположения не соответствуют ни теоретическим представлениям о современных демографических процессах, ни наблюдаемым в действительности тенденциям, и совершенно нереальны.

Если учесть только более или менее реальные перспективы изменения рождаемости, то можно составить несколько вариантов прогноза, которые позволят с достаточной достоверностью оценить «вилку» возможных значений численности мирового населения через 25, 50 или 100 лет.

Как уже отмечалось, прогноз ООН был составлен в трех вариантах, среди которых есть «низший», предполагающий более быстрое, и «высший», допускающий более медленное снижение рождаемости по сравнению со «средним» вариантом, который мы рассматривали до сих пор. Соответственно и численность населения планеты через 100 лет оказывается равной не 12,2 млрд. человек, как по «среднему», а 9,5 млрд. по «низшему» и 15,8 млрд. по «высшему» вариантам. Эксперты ООН считают «средний» вариант наиболее вероятным, и тем не менее не исключают полностью возможности колебаний численности населения в указанных выше пределах.

Для того чтобы не придавать слишком большого значения «точным» цифрам, но правильно оценить порядок величин, рассмотрим еще один прогноз, составленный

независимо от прогноза ООН, хотя и опирающийся, что вполне естественно, примерно на те же исходные предпосылки¹⁴. В этом прогнозе предполагается, что средняя продолжительность жизни женской части населения мира к середине будущего столетия достигнет 75 лет, а среднее число рождений на одну женщину сократится к этому времени примерно до 2,1 ($R=1,034$).

Прогноз выполнен в 5 вариантах, различающихся между собой длительностью периода снижения рождаемости. В качестве исходного для менее развитых регионов был взят уровень рождаемости 1965—1970 гг. ($R=2,8$), которому соответствовал при фактическом уровне смертности нетто-коэффициент воспроизводства (R_0), равный 2,073. По мере снижения рождаемости при одновременном уменьшении смертности брутто-коэффициент снижается, достигая в конце концов такого уровня, при котором нетто-коэффициент становится равным 1. По первому варианту прогноза это будет в 1970—1975 гг., по второму — в 1980—1985 гг., по третьему — в 2000—2005 гг., по четвертому — в 2020—2025 гг. и по пятому — в 2040—2045 гг. При таких допущениях общая численность населения мира составила бы (в млрд. человек):

	В 2000 г.	В 2050 г.
1-й вариант	4,7	5,6
2-й вариант	5,1	6,3
3-й вариант	5,9	8,2
4-й вариант	6,4	10,5
5-й вариант	6,7	13,0

Четвертый вариант, как видим, мало отличается от «среднего» варианта прогноза ООН (11,2 млрд. человек в 2050 г.), первые же три дают значительно меньший рост мирового населения. Для того чтобы осуществился, скажем, третий вариант, среднее число детей, рождаемых одной женщиной (для всего мира в целом), должно было бы снизиться с 4,7 в 1965—1970 гг. до 4,4 в 1970—1975 гг. (это близко к фактической величине) и до 2,9 за последующие 20 лет. Вероятность столь быстрого падения нельзя, конечно, полностью исключить, хотя она, видимо, не очень велика (прогноз ООН предполагает сокращение до 3,6 к 1990—1995 гг.).

¹⁴ Т. Frejka. The future of population growth. Alternative paths to equilibrium. N. Y., 1973.

Но даже если этот весьма оптимистический вариант осуществится, рост населения все-таки будет очень большим: до 8,2 млрд. человек к середине XXI в. Что же касается первого и второго вариантов, то они исходят из столь стремительного снижения рождаемости, что их едва ли можно считать реалистичными.

Наоборот, если снижение рождаемости в менее развитых регионах пойдет медленнее (среднее число рождений на одну женщину составит 3,9 в 1990—1995 гг. и достигнет уровня чистой замены не ранее 2040—2045 гг.), то в середине будущего столетия на земле будет жить 13 млрд. человек.

Все приведенные доводы и расчеты убеждают нас в том, что если «средний» вариант прогноза ООН на отдаленную перспективу и нельзя рассматривать как абсолютно точный, то общее направление демографических изменений и общие масштабы этих изменений он тем не менее оценивает в целом правильно. Без большого риска ошибиться можно считать, что к концу нынешнего столетия на Земле будет жить 6—6,5 млрд. человек, к середине будущего — 10—12 млрд.

Демографическая картина мира после окончания демографического взрыва

Какова бы ни была точность современных представлений о путях и сроках окончания мирового демографического взрыва, в целом не вызывает сомнений, что в будущем столетии он прекратится, оставив, однако, очень глубокий след в жизни населения планеты. Демографическая картина мира, складывавшаяся постепенно на протяжении столетий и тысячелетий, за какие-нибудь 100—150 лет претерпит глубокие изменения. Для характеристики предстоящих изменений мы снова воспользуемся демографическим прогнозом ООН, не забывая обо всех оговорках, сделанных ранее в отношении этого прогноза.

Очень сильно изменится географическое распределение населения (табл. 9).

Доля населения более развитых регионов в мировом итоге уменьшится почти в 2,3 раза, а численное превосходство менее развитых регионов очень сильно возрастет. Одновременно заметно изменятся соотношения и внутри этой группы регионов. Наиболее населен-

Таблица 9

**Изменение доли населения регионов
в мировом итоге, %**

Регионы	1970 г.	2000 г.	2050 г.	2100 г.
Более развитые регионы	30,0	21,7	14,1	12,8
Менее развитые регионы	70,0	78,3	85,9	87,2
Мир в целом	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:				
СССР	6,7	5,0	3,5	3,2
Восточная Азия	25,7	21,9	15,8	14,5
Южная Азия	30,5	35,3	42,2	43,7
Латинская Америка	7,8	9,9	10,8	10,7
Северная Америка	6,3	4,7	3,0	2,8
Африка	9,8	13,0	18,9	19,9
Европа	12,7	8,6	5,3	4,8
Океания	0,5	0,5	0,4	0,4

ным регионом мира по-прежнему останется Южная Азия, но на второе место выйдет Африка, существенно потеснив Восточную Азию, в которой находится самая многолюдная страна современного мира — Китай.

Большие изменения произойдут в плотности населения как в мире в целом, так и в отдельных регионах. Как видно из данных табл. 10, плотность населения заметно увеличилась за последние 50 лет, причем особенно быстро она росла после 1950 г., но при этом заселенность мира продолжает оставаться крайне неравномерной. Сейчас в мире существуют зоны очень высокой концентрации населения (на Дальнем Востоке, в Южной Азии, в Европе, на острове Ява, в долине и дельте Нила, на северо-востоке США и т. п.) и в то же время совершенно незаселенные или крайне слабо заселенные районы, такие, как Антарктида и Гренландия, обширные пустыни Африки, Азии и Австралии.

Разумеется, такое размещение населения не случайно, оно в значительной степени отражает возможности географической среды. Население, естественно, концентрируется в географических зонах, благоприятных для жизни и производственной деятельности, и избегает селиться в малопригодных для этого районах.

На протяжении ближайших ста лет плотность населения будет продолжать повышаться, причем резуль-

**Изменение плотности населения основных
регионов мира в 1925—2075 гг.**

Регионы	Площадь, тыс. км ² (ориенти- ровочно)	Число жителей на 1 км ²						
		годы						
		1925	1950	1975	2000	2025	2050	2075
Весь мир	139 450	14	18	29	46	65	80	88
В том числе:								
СССР	22 402	7	8	11	14	16	18	18
Восточная Азия	11 726	49	57	86	117	141	150	151
Южная Азия	19 557	25	36	65	122	187	241	268
Латинская Америка	20 535	5	8	16	30	47	59	63
Северная Америка	21 515	6	8	11	14	15	16	16
Африка	30 227	5	7	13	28	49	70	83
Европа	4931	69	79	96	110	118	120	120
Океания	8557	1	2	3	4	5	6	6

тат этого увеличения отразит как исходную неравномерность размещения населения по регионам, так и очень значительную неравномерность роста плотности населения. По миру в целом она увеличится примерно в 3 раза и станет сопоставима с современной плотностью населения в Восточной Азии (86 человек на 1 км²).

В самом густонаселенном регионе современного мира — Европе — плотность населения увеличится незначительно — примерно на четверть, а в таких регионах, как Южная Азия, уже сейчас населенной довольно плотно, или относительно слабо населенная Латинская Америка, этот показатель повысится почти в 4 раза, а в Африке — более чем в 6 раз. Южная Азия будет резко выделяться высокой плотностью населения среди других регионов мира: на 1 км² здесь в среднем будет проживать почти столько же людей, сколько сейчас в Японии.

Такой рост плотности населения делает весьма актуальным вопрос о заселении неиспользуемых сейчас территорий. С технической точки зрения расширение освоенной человеком части суши вполне возможно, но экологические и экономические аспекты этого вопроса делают его очень сложным.

До относительно недавнего времени на Земле были обширные пространства, более или менее просто поддававшиеся заселению и хозяйственному освоению (североамериканские прерии, степи Западной Сибири). Теперь подобных пространств уже не осталось, и надо осваивать труднодоступные районы, например африканские или азиатские пустыни. Задач подобных масштабов людям еще не приходилось решать, и можно только в самых общих чертах представить себе, каких колоссальных экономических ресурсов может потребовать заселение Сахары, аравийских или центрально-азиатских пустынь и полупустынь. Необходимыми ресурсами развивающиеся страны будут располагать, видимо, еще очень не скоро.

Однако даже и наличие ресурсов не решает всех проблем, потому что освоение крупных территорий неизбежно связано с преобразованием природы в значительных масштабах, а это в ряде случаев может повлечь за собой неблагоприятные экологические последствия, имеющие иногда и глобальное значение. Теоретически можно было бы, например, использовать для заселения и развития сельского хозяйства огромные территории в бассейне Амазонки, занятые сейчас тропическими лесами. Но южноамериканские тропические леса, по-видимому, оказывают существенное влияние на климат всей нашей планеты, и их уничтожение может повести к самым нежелательным для человечества последствиям.

При оценке будущего размещения мирового населения и его плотности по регионам во внимание были приняты только процессы собственно воспроизводства — рождаемость и смертность. Казалось бы, что необходимо еще учесть возможные перемещения населения из региона в регион, межрегиональную миграцию. Как известно, миграция оказывала очень большое влияние на формирование картины мирового расселения, крупные межконтинентальные миграции еще в конце прошлого — начале нынешнего века играли важную роль в заселении Северной и Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Теперь, однако, положение изменилось. Если в начале века из Европы ежегодно эмигрировало более миллиона человек, то во второй половине столетия эмиграция резко сократилась, и появился противоположный поток миграции — в Европу (в основном из бывших колоний).

За десятилетие (1960—1970 гг.) население Европы вследствие миграции сократилось всего на 400 тыс. человек. Известное значение имеет эмиграция из Латинской Америки, главным образом в США.

Но в целом, если не считать внезапных миграционных перемещений в связи с чрезвычайными событиями (например, миграция из Бангладеш в Индию в 1971 г.), масштабы миграционных перемещений не сопоставимы с масштабами изменений, вытекающих из демографического взрыва, и сегодня нет никаких оснований ожидать значительного увеличения межрегиональных миграций. Наоборот, прогноз ООН исходит из того, что к концу нашего столетия объем таких миграций станет вовсе незначительным и в будущем они не окажут влияния на распределение населения мира по крупным географическим регионам.

Разумеется, подобное допущение — еще одна условность, снижающая достоверность перспективных демографических оценок. Тем не менее можно согласиться с демографами ООН: в настоящее время надежные основания для каких-либо иных гипотез относительно межрегиональной миграции отсутствуют.

Совсем иначе будет обстоять дело с другим важнейшим видом миграции — переселением сельского населения в города, которое в конечном счете приведет к полному изменению соотношения городского и сельского населения мира и вообще всей картины расселения внутри регионов и стран. В наше время миграция в города достигла столь больших масштабов, что ее называют иногда великим переселением народов XX в.

Территориальная мобильность населения — признак социального и экономического прогресса. До недавнего времени высокая мобильность была характерна только для развитых стран, население же развивающихся стран, преимущественно сельское, оставалось мало подвижным. Ныне под влиянием экономических и социальных перемен в освободившихся странах подвижность их населения быстро увеличивается и мощность миграционных потоков из сельской местности в города нарастает.

Пока еще, несмотря на весьма высокую урбанизированность некоторых регионов (США, северной и западной Европы, СССР), население Земли в целом остается в основном сельским. В 1970 г. лишь немногим более 36% населения мира жило в городах, а в развивающихся

странах — менее 25%. Однако положение в этих странах уже сегодня быстро меняется.

Экономическое и прежде всего промышленное развитие, с одной стороны, и обезземеливание крестьян — с другой, ведут к ускоренному росту городов и возрастающему притоку в них сельского населения. Особенно бурно протекает этот процесс в Латинской Америке, где численность городского населения за 50 лет (с 1920 по 1970 г.) увеличилась в 8 раз, а его доля во всем населении — в 2,6 раза. Уровень урбанизации в Латинской Америке (57%) даже сейчас близок к уровню, достигнутому в более развитых регионах. В Азии и Африке доля городского населения пока растет медленнее, но и здесь этот процесс набирает силу.

Тенденция увеличения доли городского населения в освободившихся странах учтена и в демографическом прогнозе ООН до конца века. Предполагается, что к 2000 г. в городах будет жить уже примерно половина всего населения планеты. В более развитых регионах доля городского населения превысит 80%, в менее развитых — 40%.

На этом процесс урбанизации ни в ныне промышленно развитых странах, ни особенно в теперешних освободившихся странах, вероятно, не закончится. Помимо того, что он будет постоянно подталкиваться развитием промышленности и других несельскохозяйственных отраслей экономики, рост численности населения также будет стимулировать его концентрацию в городах, ибо при старых экстенсивных формах сельского расселения размещение огромного многомиллиардного населения земли (особенно если учесть растущую плотность населения и ценность сельскохозяйственных земель) едва ли будет возможно.

В 1920 г. в городах мира жило 360 млн. человек, в 1970 г. — 1315 млн., к 2000 г. численность горожан превысит 3 млрд., в будущем столетии она может удвоиться и утроиться. Понятно, что при этом будут расти и сами размеры городов, меняться привычные представления о городе. Еще в начале нынешнего века во всем мире преобладали малые города, лишь примерно 360 городов имели более 100 тыс. жителей, а города с населением свыше 1 млн. человек можно было пересчитать по пальцам, их знал на память каждый образованный человек,

а уже в 1970 г. в 162 городах-«миллионерах» проживала почти треть городского населения мира.

Городские границы становятся все более расплывчатыми, некогда компактные города срастаются со своим окружением, перерастают в городские агломерации, в урбанизированные районы, в которых десятки и сотни самостоятельных в прошлом городов, городков и сел сливаются в единое целое. Масштабы таких городских скоплений намного превосходят масштабы прежних городов. В 1970 г. крупнейшие агломерации (Лондон, Нью-Йорк, Токио и Шанхай) насчитывали свыше 10 млн. жителей каждая, к ним приближаются Бомбей, Буэнос-Айрес, Калькутта, Лос-Анджелес, Мехико, Москва, Осака, Париж, Пекин, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и другие многомиллионные города.

Огромные городские сгустки, в свою очередь, сливаются между собой, образуя гигантские городские образования — мегалополисы — с населением в несколько десятков миллионов человек. Считают, что крупнейший в мире мегалополис складывается в Японии на основе постепенного слияния агломераций Токио, Нагой, Киото, Осаки и Кобе. В США наиболее известен мегалополис образованный слиянием агломераций Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора и Вашингтона (свыше 40 млн. человек в 1970 г. и до 80—100 млн. по прогнозам на конец века), кроме того, мегалополисы Чикаго — Детройт — Кливленд — Питтсбург и Лос-Анджелес — Сан-Диего.

В Европе мегалополисы складываются в Англии (объединение агломераций Лондона, Бирмингема, Ливерпуля, Манчестера), в Германии (Рейнско-Рурский), во Франции (Парижский). Как полагают некоторые исследователи, в будущем столетии мегалополисы станут одной из основных форм расселения, по некоторым оценкам уже к концу нашего века в них будет сконцентрировано до 45—50% населения земного шара¹⁵.

Все эти огромные скопления населения вырастают из привычных современному человеку крупных городов и на первый взгляд это те же города, только намного больших размеров. Но в действительности, как это часто отмечают специалисты, они представляют собой скорее

¹⁵ Ю. Л. Пивоваров. Современная урбанизация. М., «Статистика», 1976, с. 125.

отрицание прежнего компактного города и несут в себе ростки новых форм пространственной организации жизни людей, позволяющих преодолеть различия городского и сельского расселения и, быть может, избавиться от известных недостатков как того, так и другого.

Разумеется, в масштабах всего мира пока можно говорить только о материальных предпосылках преодоления противоположности между городом и селом, реализация которых невозможна без соответствующих социальных предпосылок. Ведь речь идет о создании совершенно новой, в значительной степени, искусственной «окультуренной» среды обитания людей.

Соединение в рамках агломераций или мегалополисов интенсивно и экстенсивно используемых территорий, сельскохозяйственных и несельскохозяйственных видов деятельности, городских и сельских ландшафтов, возможностей труда и отдыха — все это оказывается благом только при условии комплексного развития крупных урбанизированных зон в общих интересах и по единому плану. При господстве частной собственности и бесплановости экономики рост и усложнение городских образований ведет и будет вести к хаосу в их внутренней организации, неэкономичному и нерациональному использованию территорий, обострению экологических проблем и в конечном счете к ухудшению условий жизни людей.

Завершение демографического взрыва будет связано с очень сильным изменением возрастного состава населения мира. Возрастная структура — прямое следствие соотношения между уровнями рождаемости и смертности, причем практически решающее значение принадлежит рождаемости. На протяжении всей человеческой истории вплоть до настоящего времени рождаемость всегда была достаточно высокой, а поэтому возрастной состав населения был «молодым». Это значит, что доля детей и молодежи в нем была высокой, а доля пожилых людей — низкой.

Только с началом демографической революции появляются первые признаки принципиальных изменений возрастной структуры, «постарения» населения, т. е. снижения доли младших и повышения доли старших возрастных групп. Главная причина демографического старения — снижение рождаемости. Снижение смертности в той мере, в какой оно затрагивает младшие возрастные группы, даже противодействует старению, но

далеко не с такой силой, с какой снижение рождаемости ему способствует. Поэтому, в свое время, как отмечает известный польский демограф Э. Россет, «демографическая революция настужь открыла двери развитию процесса старения населения Европы»¹⁶.

К настоящему времени процесс старения весьма сильно затронул население более развитых регионов, но население освободившихся государств, а потому и всего мира в целом остается пока молодым. В 1970 г. распределение населения по крупным возрастным группам было следующим (%):

	До 14 лет	15—64 года	65 лет и старше
Весь мир	36,6	57,9	5,5
Более развитые регионы	26,7	63,7	9,6
Менее развитые регионы	40,8	55,5	3,7

Старение населения будет продолжаться и в более развитых регионах, а освободившимся странам предстоит пережить его в полном объеме. Правда, даже к концу нашего столетия этот процесс, здесь будет выражен, вероятно, не очень явно: доля пожилых людей едва ли достигнет 5%, тогда как в Европе, например, она превысит 13%. Тем не менее старение населения в освободившихся странах также неотвратимо.

Существуют теоретические демографические модели, которые позволяют с большой точностью прогнозировать возрастную структуру населения при заданных уровнях рождаемости и смертности. Если исходить из принятых выше предпосылок о том, что ко времени окончания демографического взрыва в каждом из регионов мира число детей на одну женщину в среднем будет немного больше двух, а средняя продолжительность жизни приблизится к 75 годам, то можно утверждать, что доля детей до 14 лет повсеместно понизится примерно до 20%, а доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше повысится до 17%.

Демографический взрыв окончится, но новая возрастная структура, очень отличная от той, которая была свойственна человечеству до сих пор, останется навсегда.

¹⁶ Э. Россет. Процесс старения населения. М., «Статистика», 1968, с. 383.

Оценка последствий столь значительного изменения возрастного состава населения в полном объеме весьма сложна и не входит в нашу задачу. Однако на некоторые очевидные последствия можно указать. В частности, следует отметить, что современная возрастная структура населения развивающихся стран неблагоприятна в экономическом отношении. На каждые 100 лиц в возрасте от 15 до 65 лет, т. е. в основных рабочих возрастах, здесь приходится 80 детей и стариков, тогда как в развитых странах — всего 57.

В более развитых регионах этот показатель ко времени окончания демографического взрыва почти не изменится, в менее развитых — изменится существенно и приблизится к тому, который наблюдается уже сейчас в более развитых регионах. С точки зрения улучшения соотношения между числом трудоспособных и иждивенцев такое развитие событий можно считать благоприятным, но едва ли было бы верным рассматривать постарение населения в целом как положительный процесс, даже если исходить только из экономических критериев.

Постарение замедляет приток новой рабочей силы, изменяет возрастную структуру самого трудоспособного населения так, что в ее составе становится меньше молодых работников и больше людей предпенсионного возраста. Огромное увеличение доли пожилых и старых людей приводит к росту нагрузки на системы здравоохранения, социального обеспечения и т. п. Следовательно, постарение создает экономические и социальные проблемы, с которыми в прошлом ни одна страна не сталкивалась в таких масштабах и которые сейчас только начинают осознаваться в тех странах, где этот процесс получил уже значительное развитие.

●
Пройдет менее ста лет, и сложится демографическая картина мира, очень непохожая на ту, которую со школьной скамьи привык представлять себе современный человек, не всегда успевающий следить даже за теми демографическими изменениями, которые происходят на протяжении его жизни.

Уже сейчас стремительный рост мирового населения порождает множество сложных проблем, а в будущем они могут еще более обостриться. Найдет ли человечество путь к их решению? Что это за путь?

Существуют разные ответы на эти вопросы, вокруг них не утихают споры, в которых отражается неодинаковая степень проникновения в сущность проблемы, причем принципиальную роль играют различия в идеологических позициях спорящих сторон. Два подхода, две системы взглядов на исторический процесс, два мировоззрения сталкиваются в этих спорах, и мировая проблема населения предстает соответственно в двух разных аспектах.

Один из них — мальтузианский — отражает общий дух идеологии капитализма, вступившего в полосу общего кризиса, когда он перестал быть всеохватывающей мировой хозяйственной системой и лишился своих колониальных владений. Не желая признать всемирно-историческое поражение капитализма, его неспособность справиться с глобальными проблемами современности и вытекающую из этого необходимость уступить историческую арену новому общественному строю, идеологи капитализма трактуют глобальные проблемы как в принципе неразрешимые. Потому они и связывают их не с социально-экономическим строем, а с таким якобы не зависящим от него фактором, как рост населения.

Современные мальтузианцы в общем неплохо знают действительные проблемы молодых национальных государств, но описание и оценка этих проблем обычно дается в таком тоне, который заставляет вспомнить слова К. Маркса о подчеркивании Мальтусом дисгармонии интересов в буржуазном обществе, которые «он, правда, *отнюдь не открыл*, но которые он во всяком случае с поповски-самодовольным цинизмом фиксирует, размалевывает и выставляет напоказ»¹⁷. Примером может служить нашумевшая книга американского биолога П. Эрлиха «Бомба перенаселения», в которой живописуются апокалиптические «сценарии» мировых катастроф, порождаемых «безостановочным» ростом населения.

Мальтузианскому пессимизму в оценке демографического взрыва и его последствий противостоит исторический оптимизм марксизма, который отнюдь не отрицает экономических и социальных трудностей, связанных со стремительным ростом населения, и не старается их преуменьшить. Но вместо того чтобы «размалевывать»

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 26, ч. II, с. 126.

эти трудности, он концентрирует внимание на поисках реальных путей их преодоления.

Согласно марксистским представлениям способность той или иной страны справиться с проблемами, связанными с демографическим взрывом, решающим образом зависит от социально-экономического строя, от того, насколько он благоприятствует мобилизации и эффективному использованию в интересах всего народа трудовых и материальных ресурсов.

Нет сомнения, что связанные с демографическим взрывом современные, злободневные проблемы очень остры и очень важны. Но если исходить из того, что в процессе прогрессивных преобразований развивающихся обществ их решение будет найдено, не следует ли задуматься над более отдаленными последствиями колоссального умножения мирового населения?

Сегодняшние трудности не должны заслонять от нас того более долговременного влияния, которое способен оказать на будущие судьбы человечества его количественный рост. Огромное увеличение числа людей на земле со временем может сыграть роль одного из главных материальных условий нового переворота в области производства, нового скачка в развитии человеческой цивилизации. Вооруженное техникой будущего 10—15-миллиардное человечество будет способно на многое.

Планета — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели, писал когда-то Циолковский. Кто знает, может быть, нынешний громадный рост численности населения нашей планеты, вызывающий сегодня столько тревог, когда-нибудь послужит — уже при новом общественном строе — одной из предпосылок выхода человечества из своей земной колыбели и освоения внеземного пространства в масштабах, которые трудно себе представить современным космическим Колумбам.

СОДЕРЖАНИЕ

Сущность демографического взрыва	3
Взрывоподобный рост населения	3
Демографический взрыв — следствие незавершенности демографической революции	5
Демографический взрыв и социально-экономическое развитие	17
Социальные последствия демографического взрыва	17
Демографический взрыв и демографическая политика	28
Перспективы прекращения демографического взрыва	33
Процесс демографической стабилизации . . .	33
Демографическая картина мира после окончания демографического взрыва	52

Анатолий Григорьевич Вишневский

МИРОВОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

Заведующий редакцией *В. А. Бабайцев*

Редактор *Г. С. Герасимова*

Мл. редактор *И. Л. Тиохина*

Худож. редактор *М. А. Бабицева*

Художник *Г. В. Севреденко*

Техн. редактор *Т. В. Пичугина*

Корректор *В. И. Ширяева*

ИБ № 1562

А04365. Индекс заказа 83010. Сдано в набор 11.07.78 г. Подписано к печати 7.09.78 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,12. Тираж 87 390 экз. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 710.

Ордена Трудового Красного Знамени тип. им. Володарского, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Цена !1 коп.

11 коп.